

Архимандрит
Антонин (Капустин)

Триумфитесь с Богом!

Беседы
на Святой
Земле

архимандрит Антонин Капустин

Примиритесь с Богом!
Беседы на Святой Земле

«Вольный странник»

2022

Капустин а.

Примиритесь с Богом! Беседы на Святой Земле / а. Капустин —
«Вольный странник», 2022

ISBN 978-5-905113-63-5

«Примиритесь с Богом!», – вся жизнь архимандрита Антонина (Капустина) (1817–1894) была воплощением этого призыва. Что бы ни делал отец Антонин – проповедовал с амвона, вел душеспасительные беседы или писал письма, отвечая на духовные и житейские вопросы – главной его целью было приблизить своих собеседников к Богу, к пониманию духовных основ бытия. Даже когда деятельный архимандрит погружался в дела житейские: приобретал земли в Палестине и занимался строительством храмов, школ, больниц, гостиниц для паломников – его жизнь оставалась беззаветным служением Богу, ближнему и России. Слово архимандрита Антонина – горячее, порой, неожиданное, исполненное парадоксов, но всегда глубокое и живое. Отец Антонин во многом обогнал свое время, его наставления звучат сегодня современно и действенно, питая душу, указывая нам путь примирения с Богом.

ISBN 978-5-905113-63-5

© Капустин а., 2022
© Вольный странник, 2022

Содержание

Среди пустыни мира	6
Беседы архимандрита Антонина	15
Любовь Божия	16
Немощь человеческая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Архимандрит Антонин (Капустин)

Примиритесь с Богом!

Беседы на Святой Земле

Составитель Анастасия Горюнова

© Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2022

Среди пустыни мира

Об архимандрите Антонине (Капустине)

Богословие, история, археология, нумизматика, астрономия, иностранные языки – это далеко не полный перечень того, чему отдавал время и силы архимандрит Антонин (Капустин). И в каждой области оставил он свой заметный след. Но главным делом его жизни стало создание так называемой «Русской Палестины». Это он, архимандрит Антонин, беззаветно любивший Христа и свою Родину, приобретал для России участки на Святой Земле, строил там храмы, монастыри, паломнические дома, больницы и школы. Его трудами, усердием, молитвами, любовью созидались в Палестине подворья Русской Церкви. Если бы не творческая энергия отца Антонина, не его жертвенное служение Богу и ближним, не было бы, скорее всего, ни монастыря святой Марии Магдалины с величественной колокольней, которую называют в Иерусалиме «Русская Свеча», ни прославленной Горненской женской обители, ни Свято-Троицкого русского монастыря на месте явления Святой Троицы в Хевроне, где растет дуб Мамврийский, ни многих других святынь Русской Палестины. Сегодня, полторы сотни лет спустя, всматриваясь в плоды трудов архимандрита Антонина, не перестаешь удивляться: как все это можно было успеть за недолгую человеческую жизнь?!

Отец Антонин – личность яркая, в чем-то противоречивая. Всю жизнь его назначали на начальственные должности, он занимался политикой, вращался в высшем свете, через его руки проходили огромные деньги. Казалось бы, что может быть более неудобным для монаха? Отец Антонин свидетельствовал о себе, что ни дня не жил в монастыре, что не знает монашеской жизни, что недостойн монашеского звания. В дневниках, которые он вел в течение сорока лет, не раз горько упрекал себя: «О, Андрей, Андрей! Не выживешь тебя никак из Антонина...». Такое же мнение о нем бытовало и среди многих его современников.

Но разве имеем мы право кого-то судить? Кто измерил глубину человеческого сердца? Кто может проникнуть в его внутреннюю жизнь? И, порой, очень многое зависит от состояния души того, кто высказывает свое мнение. Близкий отцу Антонину человек, его многолетний сотрудник, основатель Императорского православного палестинского общества Василий Николаевич Хитрово пишет: «Поступление в монашество было для него, как кажется, делом случая, тем неисповедимым, непонятым для нас, вождением Божиим, намечающим пути, по которым нам приходится идти, не будучи в состоянии отдать себе отчета, отчего именно мы пошли скорее по этой, чем по другой жизненной дороге. Монахом, в общеупотребительном значении этого слова, архимандрит Антонин никогда не был, и на это он сам неоднократно указывал. Никогда не жил он в монастыре, никогда он не проходил никаких монашеских послушаний. А между тем кто допускался до комнаты, где он проводил свою жизнь в Иерусалиме, кто видел, как даже в пути он скорее голодал, чем разрешал себе недозволенное мясное, что так обыденно на Востоке среди даже высших иерархов, и, наконец, кто не раз заставлял его за починкой своей ветхой рясы, тот должен был сознаться, что по духу он был более монах, чем монахи, живущие в келье».

Православные паломники на Иордане. Фото конца XIX – начала XX века

О высоком духовном устроении отца Антонина, о его глубоком понимании сути христианской жизни красноречиво говорят его проповеди, письма, дневники. Но наследие отца Антонина пока мало изучено и еще менее известно читателям. В этом смысле книга, которую Вы открыли, уникальна. Это первый цитатник из трудов отца Антонина.

Откуда же появился такой многогранный, яркий, необычный человек среди служителей Русской Православной Церкви второй половины XIX века? Продолжался Синодальный период истории Русской Церкви, когда она официально именовалась «ведомством православного исповедания». Духовенство оставалось замкнутым сословием. Детям духовенства было запрещено поступать в светские учебные заведения – гимназии и университеты, им оставался один путь – по стопам своих родителей – в семинарию и дальше, насколько позволят способности и усердие – или сразу священнослужителем на приход, или в монастырь, или продолжать образование в Академии.

Будущий архимандрит Антонин родился в 1817 году в семье потомственного священника Иоанна Капустина, служившего в сельском храме в Пермской губернии. Родина отца Антонина – Батурино было большим волостным селом, что-то наподобие современного районного городка. Отец Антонин вспоминал, что посреди деревянных сельских домов в их селе возвышался большой каменный храм, его освятили в 1819 году.

Значит, отец Антонин был крещен еще в старом деревянном храме Спасо-Преображения, построенном его прапрадедом священником Василием Капустиным в 1765–67 годах. Деревянный храм был разобран после освящения каменного храма. В деревянном храме слу-

жили прадед, дед, начинал служение и отец будущего архимандрита Антонина. В общей сложности священнический род Капустиных служил в приходе Батурино непрерывно более ста лет.

Андрей, так звали отца Антонина до принятия монашества, был вторым сыном священника Иоанна Капустина. Всего в семье родились тринадцать детей, многие из которых умерли в младенчестве. Все шестеро сыновей отца Иоанна, в том числе и Андрей, учились – как это было предусмотрено сословным законом – в училище при Успенском Далматовском монастыре, ближайшем к Батурино духовном центре. Именно там отец Антонин познакомился со старцами-монахами и получил первое представление о монашеской жизни.

В Далматовском монастыре, овдовев, служил дед отца Антонина, Леонтий Васильевич Капустин, а с 1802 по 1816 год он даже исполнял там обязанности благочинного, за что имел много благодарностей от духовного начальства. Сам Далматовский монастырь очень древний, ведет свою историю с 1644 года. И уже в 1714 году в Далматовском монастыре было учреждено училище для детей церковнослужителей.

В это училище 112 лет спустя привез отец девятилетнего Андрея Капустина, предварительно научив его грамоте по Псалтири. Детство закончилось, начались суровые бурсацкие будни. Строгое до жестокости обращение, телесные наказания – все это тогда было в порядке вещей. От природы чувствительной, нежной души, весьма любознательный и впечатлительный, Андрей был настолько подавлен новой обстановкой, что при всех своих способностях учился с большим трудом. Впоследствии он называл это время «не веселым для себя» и писал, что «латинская и греческая долбня» ему не давалась. Но, слава Богу, «бурсацкие» испытания не сломили мальчика, а закалили. Окончив училище, в 1831 году он поступил в духовную семинарию в Перми, откуда вскоре перевелся в Екатеринославскую семинарию, ректором которой незадолго до этого был назначен его родной дядя, брат отца, архимандрит Иона (Капустин).

Здесь-то и было суждено проявиться многочисленным талантам Андрея Ивановича Капустина. Екатеринослав, ныне Днепропетровск, южный город на берегах Днепра, с мягким климатом. В нем много солнечного света и тепла. Даже зимой температура редко опускается до отрицательных температур, снега выпадает совсем немного. После сурового Севера Екатеринослав казался Андрею землей обетованной. Он окреп, набрался сил и по-настоящему расцвел. Энергия молодости, усердие, большие способности в разных областях, потрясающая работоспособность позволили Андрею добиться многого. Он не только был лучшим учеником, он овладел несколькими иностранными языками, писал стихи, рисовал. Показав выдающиеся успехи в греческом языке, Андрей Капустин – сам еще студент старших курсов – уже преподавал эту дисциплину младшим с окладом 100 рублей в год.

В то же время он не на шутку увлекался поэзией и даже написал в поэтической форме «Седмицу Страстей Христовых». Это произведение позже было издано в Киеве. С Киевом связано и десять лет жизни отца Антонина после семинарии, окончив которую, как первый ученик он поступил в Киевскую духовную академию.

За четыре года обучения – с 1839-го по 1843-й – Андрей Капустин достиг такого уровня, что после окончания Академии, сразу стал в ней преподавателем. Сначала его зачислили бакалавром по немецкому языку, а два года спустя, в 1845-м, он стал преподавать свой любимый греческий.

Тот же 1845 год стал для Андрея решающим в выборе жизненного пути. В ноябре одно за другим в его жизни произошли судьбоносные события: 7 ноября он принял монашеский постриг с именем Антонин, 18-го его рукоположили во диакона, а 21-го – во священника.

Уже через год молодого преподавателя назначили помощником инспектора Киевской духовной академии. Одновременно он продолжал преподавать, наряду с иностранными языками богословские дисциплины – герменевтику, то есть объяснение Священного Писания,

и обличительное богословие. Впоследствии многие выпускники Академии вспоминали отца Антонина как яркого и вдохновенного лектора, глубоко знавшего свой предмет.

Но административная должность всегда чревата искушениями. Так произошло и с иеромонахом Антонином. Служебные неприятности сделали для него невозможным дальнейшее пребывание в Академии. В молодом иеромонахе все больше начинало проявляться стремление на Восток, он признавался, что имел «с детства влечение души к Византии, как духовной родине». Позже отец Антонин напишет: «Восток есть колыбель человечества. Довольно сказать это, чтобы сделать мысленный поклон в ту сторону, “откуда свет истек”. Человеку, любящему припоминать дни древние и помышлять о летах вечных, нет пригоднее места для этого, тоже в своем роде умного делания, как Византия, от которой и без того на русскую душу веет чем-то своим, близким, но таким давним, что теряются все различительные черты дорогого образа, и остается в душе одно общее представление чего-то неодолимо влекущего, как память о матери у человека, осиротевшего в детстве».

15 мая 1850 года отцу Анонину дали первое послушание за границей – он был назначен настоятелем храма Русской Миссии в Афинах. Здесь ему предстояло провести десять лет. «Каменистая, безлесная, ненаселенная и вообще не приглядная Аттика, – пишет о своем пребывании в Афинах отец Антонин, – неустанно очаровывала меня своим тонким, ароматическим воздухом, своим ясным небом, своим почти непрекращающимся вёдром <и. – сл. – теплая, ясная, солнечная сухая погода>, теплом, светом... а всего более своим неисчерпаемым прошедшим, полным самых живых, привлекательных, как бы вечно свежих, юных, цветущих образов». Деятельная натура отца Антонина проявилась здесь в полной мере. Начал он с того, что решил возродить в Афинах церковь Святой Троицы, лежавшую в руинах. Храм стал первой святыней за границей, которую отец Антонин восстановил и прославил как русское подворье. С какой любовью и при этом с какой научной точностью он пишет об этом своем детище: «Редкий образчик византийской архитектуры из эпохи ее процветания, редкий и по своеобразности плана, и по изяществу, и по размерам (сравнительно с другими памятниками в Греции одного с ним времени) и даже по сохранности. Для меня он был даровою, долговременною и самую приятною школою изучения христианских древностей. Мы, так сказать, подали друг другу руку помощи».

Свято-Троицкая русская церковь в Афинах. Фото конца XIX века

Во все, что бы ни делал отец Антонин, он старался вникать до такой степени, чтобы приобрести подлинные знания и даже профессионализм. В Афинах он занимался археологией под руководством самых лучших знатоков древности и приобрел огромный опыт, который пригодился ему впоследствии при созидании Русской Палестины.

В Афинах отец Антонин отточил свой греческий язык до совершенства, особенно преуспев в освоении устной речи, потому что писал он на греческом и до этого блестяще. Находясь в Афинах, отец Антонин посещал Святую Гору Афон, черпая там благодатные силы для своего служения. «В течение пребывания в Греции, – признавался отец Антонин, – во время своего пребывания на Афоне, я значительно отвык и от русской беседы, и от русской природы». Но все, что бы ни делал он за границей, делал для своей Родины.

Впервые именно из Афин отец Антонин посетил Иерусалим и описал свою поездку в заметках «Пять дней на Святой Земле», опубликованных в «Душеполезном Чтении» за 1866 год в №№ 1–4. Описывал он для русского читателя и Афон, и другие места, которые смог посетить. Так он старался вызвать интерес к Востоку среди своих соотечественников, стремился познакомить Россию с общемировой христианской культурой.

18 сентября 1860 года отца Антонина перевели на другое место службы – назначили настоятелем русской посольской церкви в Константинополе. Это распоряжение Обер-прокурора Священного Синода последовало по ходатайству святителя Филарета (Дроздова), тогда митрополита Московского, который высоко ценил отца Антонина за его труды в Афинах. Так

отец Антонин оказался в сердце Византии, которая, по его собственному признанию, всегда «неодолимо влекла» его к себе. Кроме церковной и научной деятельности в Константинополе отец Антонин выполнял и дипломатическую работу. Нагрузка у него превосходила всякую меру, настолько, что в письме от 30 октября 1862 года к архимандриту Порфирию (Успенскому) он жаловался, что у него «сто занятий идут рядом, мешая одно другому».

Выполняя разнообразные и сложные поручения дипломатического характера, отец Антонин волей-неволей прошел на опыте дипломатическую подготовку, которая очень помогла ему впоследствии. А каждую свободную минуту он снова посвящал истории и археологии, ездил в научные командировки, проводил серьезную научную работу, писал труды, многие из которых не теряют актуальности и сегодня. Отец Антонин служил в Константинополе в течение пяти лет, после чего был послан в Иерусалим с непростой дипломатической задачей: расследовать нестроения в Русской Миссии. «Вступая в стены ее 11 сентября 1865 года, – писал историк Алексей Афанасьевич Дмитриевский, – архимандрит Антонин и не помышлял, конечно, что он через много лет будет вынесен отсюда на Елеон в гробу»...

Целый клубок интриг и недоразумений, созданных врагами и недоброжелателями Русской Церкви, противниками ее успехов в Палестине, среди которых были православные и инославные, чужие и даже свои, пришлось распутывать отцу Антонину в Иерусалиме. Он сетовал: «Мы перенесли совсем незаслуженно не одно искушение. Нас оболгали, осмеяли те, кого мы беззаветно поили, кормили и на руках носили». Оптинский монах архимандрит Леонид (Кавелин), отставной офицер и духовный писатель, который возглавлял Миссию в то время, был отозван из Иерусалима из-за конфликтов. На его должность сначала временно, а с 5 июня 1869 года – постоянно – был назначен архимандрит Антонин (Капустин). Сторонник разумного компромисса, умевший ладить с разными людьми, новый начальник Миссии поначалу сбалансировал отношения с недоброжелателями, преследуя единственную цель, – чтобы Россия имела свою часть на Святой Земле. Для чего? Чтобы русским паломникам было, где поклонить голову, приходя на святые места Палестины, чтобы Русская Церковь несла служение во славу Божию у величайших христианских святых наравне с другими Церквями.

Но мирное существование архимандрита Антонина с Иерусалимской Патриархией, с Российским консульством, с другим окружением Миссии длилось недолго. Активная жизненная позиция отца Антонина и плодотворная деятельность в интересах Русской Церкви вызвала у многих агрессивное раздражение. На него писали доносы, воздвигали на его пути различные препятствия, клеветали, травили в прессе, создавая репутацию «человека с душком». «К сожалению, – сетовал отец Антонин, – иногда никак не можешь забыть, когда назовут тебя “человеком с душком” люди, у которых не отыщешь ни духа, ни душка, а один запах». Но отец Антонин был сильным человеком. Он, несмотря ни на что, оставался начальником Русской Миссии в Иерусалиме без малого тридцать лет. Человеческими силами достичь этого было невозможно, это был Промысл Божий, даровавший ему силы и возможности совершить великое дело.

Дамасские ворота Старого Иерусалима. Открытка 1900 года

Алексей Афанасьевич Дмитриевский так описывает жизнь архимандрита Антонина в Иерусалиме: «Весь день и большую часть ночи посвящал он неустанному напряженному труду. Двери его келии с раннего утра до позднего вечера не закрывались: рано утром он принимал туземцев-арабов, решая их споры, давая полезные советы, оказывая им материальную помощь предметами первой необходимости и деньгами; их сменяли учителя и учительницы основанных им школ, члены Миссии, испрашивая его советов и распоряжений; в каждую минуту свободно и доверчиво шли к нему русские паломники – сановники, купцы и крестьяне, богатые и бедные, стараясь найти у него разрешение волновавших их недоуменных вопросов. И отец Антонин охотно и подолгу беседовал с каждым, чем успел многих из них привлечь на свою сторону и расположить быть активными пособниками ему в том деле, которому он отдался всей душой. Только поздним вечером он оставался один, но не одиноким: друзьями его и собеседниками были любимые им книги. В это время до позднего часа ночи он сидел то над какой-либо старинною рукописью или фолиантом, то вел ученую археологическую работу, то корреспондировал в газеты и к частным лицам, то, вооружившись лупою и имея под руками капитальные нумизматические издания, напрягал все усилия своего зрения над чтением какой-либо старинной рукописи или греческой монеты (отец Антонин был увлеченным нумизматом). То удалялся он на устроенную им над Миссией обсерваторию, чтобы там провести несколько времени, изучая дивную твердь небесную с ее неисчислимым разнообразием светил, то садился за свою повесть “временных лет”, поверяя ей думы, чувства, мысли и впечатления прожитого трудового дня и, таким образом, давая будущему историку нашего времени весьма ценный материал для характеристики, то, наконец, вооружившись иглою, штопал свою ветхую рясую или дырявый чулок...»

Да, так из года в год проходили дни неутомимого архимандрита. Каковы же плоды его трудов? Перечислим только некоторые.

О приобретении для России участка с Мамврийским дубом, общей площадью больше семи гектаров, мы уже упоминали. Архимандрит Антонин заключил этот договор сразу после

официального вступления в должность начальника Миссии, и уже через неделю совершил первую Божественную литургию на месте явления Святой Троицы Аврааму.

Через год он приобрел вершину горы Елеон и участок в Эйн Кареме – самый большой из всех русских владений на Святой Земле.

Имение около Яффы по дороге в Иерусалим – место погребения святой Тавифы, подворье для отдыха паломников в Тивериаде, место в Гефсимании, где по желанию царской семьи была построена церковь святой равноапостольной Марии Магдалины в честь небесной покровительницы императрицы Марии Александровны, супруги Александра II. Марии Александровне отец Антонин во многом был обязан своими успехами на Святой Земле. Императрица поддерживала его деятельность и материально, и морально. Ее уважение к начальнику Русской Миссии в Иерусалиме заставляло замолчать недоброжелателей и клеветников.

Русские паломники за трапезой на русском подворье в Иерусалиме. Фото начала XX века

Площадь более 42 гектаров на Святой Земле, стоимостью до миллиона рублей золотом, смог оформить отец Антонин в собственность для своего Отечества. Эти земли навсегда получили название Русской Палестины.

Отцом Антонином было сделано несколько серьезных археологических открытий. В том числе произведены раскопки около Храма Гроба Господня и открыт фрагмент стены древнего Иерусалима с порогом Судных Врат. По результатам раскопок отец Антонин устроил в Иерусалиме при Миссии музей христианских древностей.

Отдавая столько сил и энергии делам внешним, среди пустыни мира, отец Антонин вел глубокую внутреннюю жизнь. В своих проповедях он обнаруживает такую мудрость и духовное видение, которые не так часто можно встретить не только среди его современников, но и в течение всей истории Русской Церкви.

Отец Антонин сам подготовил к печати книгу «Проповеднический круг подвижных праздников Церкви. Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие особенно чествуемые дни постной и цветной Триоди», которая выдержала не одно издание.

Книга, которую Вы держите в руках, представляет цитатник из этих проповедей. Цитаты подобраны по темам и отвечают на самый главный жизненный вопрос: как научиться жить с Богом, какие бы обстоятельства и трудности ни стояли на твоём пути? В последней главе представлены наставления архимандрита Антонина паломникам на святой Голгофе в 1870–1892 годах, которые в полноте раскрывают главную тему книги. Отец Антонин обогнал своё время, его слово звучит сегодня актуально, как никогда.

Беседы архимандрита Антонина

Церковь святой Марии Магдалины в Гефсимании. Фото начала XX века

Любовь Божия

Мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим:

Примиритесь с Богом!

Второе послание к Коринфянам, 5, 20

Земля и небо в слове Божиим и в обыкновенной речи человеческой очень часто принимаются как две составные и как бы равномерные части одного целого для показания всеобщности бытия и делят, таким образом, весь видимый мир на две половины – верхнюю и нижнюю, *земную и небесную*. При таком взгляде на вселенную – чем кажется человеку небо? Отдаленным сводом, со всех сторон объемлющим землю; сводом, по эту сторону которого – наш мир, или «сей мир», с землей, воздухом, облаками; по ту сторону другой мир, или «тот свет», жилище Бога, ангелов и праведных душ. Сам свод небесный, таким образом, представляется уже не небом, а только границей неба, его началом, за которым предполагается несколько высших степеней – до самой высшей, где *живет* Бог. Этот простой взгляд на небо и землю, несмотря на то, что вводит их как смежные и совокупные части одного великого целого в общий союз, полагает между ними непреходимую черту. Как граница мира духовного, небо не может принимать в себя ничего телесного, а с другой стороны, как граница мира телесного, все, идущее из того в этот мир, заставляет принимать чувственный образ.

Если бы, остановившись на одном этом понятии неба, мы, подобно апостолам, устремились взором вслед возносящегося в небесную высь Господа нашего Иисуса Христа и не имели их утешения, с каким нетерпеливым чувством смотрели бы мы на небо, ставшее стеной между нами и нашим Господом, закрывающее от нас Бога и вообще не дающее нам составить никакого понятия о многотайственном будущем мире! Но зато как просто, ясно и отчетливо отвечало бы это распростертое над нами покровом небо на многие другие вопросы сердца! Недоступное телесному и умственному зрению, как близко и доступно оно было бы взору веры! Как бы все живило и утверждало, сводило к порядку и единству! Седяй одесную Отца, «Господь с небес призирал бы на сынов человеческих» (Пс. 13, 2) милостью, и правдой, и всякой благодатной помощью. Человек восходил бы от земли к Богу любовью, размышлением, говением, молитвой, чистотой, святостью – в ожидании часа, когда наступит его полное вознесение на небо. Чем разделеннее, таким образом, представлялось бы небо от земли, тем ближе был бы к христолюбивой душе Христос. Вера святая была бы живее, любовь теплее, надежда вернее, чувство благоговейнее, мысль сосредоточеннее, характер крепче, настоящее спокойнее, будущее отраднее. Все было бы хорошо, потому что все было бы определено и твердо в душе христианина. Но...

Точно ли земля и небо делят собой на две половины вселенную? Долговременное и тщательное изучение видимого мира показало, что земля не только половины, но и малейшей части его, сколько-нибудь заметной, не составляет в цепи всего творения Божия. Свидетельство нашего зрения получило другое изъяснение. Вместо «свода небесного» представилось одно беспредельное пространство, в котором совершают свое течение великие светила, гораздо большие нашей земли. Ни начала их сонму, ни конца нельзя ни видеть, ни знать, ни даже, может быть, предполагать. Земля наша в их ряду оказалась столь ничтожной, что если бы мы не были земнородными, могли бы вовсе не знать о ней. Вместо половины всего она стала почти ничем. Вместо середины мира ее место оказалось в стороне, и даже в своем, так сказать, углу ее место не представляется ни первым, ни последним, ни средним, наконец!

При таком понятии о мире, нами обитаемом, что должно сказать о небе? Может быть, покажется странным, но остается признать, что или неба нет, или и мы – со своей землей –

на небе. Ибо если небо есть только пространство от поверхности земной всюду, вверх, в бес-предельность, то и сама земля, конечно, должна быть представляема на небе. Нет никакой ни между чем границы. То вещество, которое мы видим на земле, могли бы увидеть и повсюду, сколько бы ни уносились в высоту и даль воображаемого неба. При таком всеобъединяющем понятии о мире, по-видимому, должно бы исчезнуть всякое средостение между нами и Богом, и мы ближе должны, так сказать, подойти ко Христу, – но выходит иначе. Заменяющая свод небесный безграничная пустота влечет нас неизбежно к вопросу: где же то веруемое небо, жилище Божие, куда вознесся Господь наш Иисус Христос и где восседает Он одесную Бога? В той пустоте, которую простое зрение принимает за распростертый над землей покров, должна рассеяться всякая мысль о небе. С ней рассеивается более или менее и наша живая и оживляющая вера во все небесное, на место которой также является в душе безграничная, безвидная, бескачественная, беспредметная пустота. В этом случае видимое нами небо становится действительным средостением между нами и Иисусом Христом. Не говорим более. Кто привык раздроблять небо частными наблюдениями и верит более в свой рассудок, нежели в Божию непостижимость, тот знает, какая бездна отделяет благую, светлую, теплую, утешительную веру в Богочеловечество Христово от страшного своей пустотой и темнотой, холодного, бесчувственного неба звездочетцев.

<...>

Небо, предназначенное «поведать славу Божию» (см. Пс. 18, 2), вводится в необходимость утаить славнейшее для нас дело Божие – восстановление нашего богоподобия. Небо, к которому мы так часто возводим молитвенный взор и возносим молитвенный вздох, на теплейшее устремление души отзывается бездушной и бесчувственной пустотой! Чего нам ждать от него? Чего искать, в самом деле, от такого неба? Должно ли, несмотря на свидетельство науки, представлять его в соответствии с простым взглядом другим миром, Царством Небесным, чтобы не охладить веры, или, несмотря на чаяние сердца и на призыв веры, признавать его пустотой, чтобы не уничтожить науку? Искать, братия, чтобы чем вернее мы будем узнавать его, тем ближе оно сходилось с верой, чтобы оно не было ни в каком случае ни мнимым, ни действительным средостением между нами и Христом, как оно не было таковым в преславную минуту Вознесения Христова. Как же это сделать?

Во-первых, той границы миров видимого и невидимого, которой не напрасно так упорно ищет глаз и так томительно чаёт сердце человека, не отрицать, а искать все далее и далее – далее всего, что доступно вооруженному всяческим искусством опытному познанию.

Во-вторых, не держаться рабски той мысли, что малое есть вместе и маловажное, не главное есть вместе и несущественное, ибо и то и другое суть равно дело Творческой воли, неизвестно где и в чем положившей свою окончательную цель.

В-третьих, величия Божия не измерять по человеческим, и притом односторонним, понятиям; изузивая перед непостижимыми делами творения, не менее того благоговеть и перед неисследимыми путями Промышления Божия.

В-четвертых, не гаданием и соображением поверять действительно бывшее, а на суд действительного призывать только достоверные и несомненные выводы здравого разума.

В-пятых, наконец, иметь всегда некоторую степень недоверия и к выводам разума, как и вообще к тому, что человек думает и как бы неизбежно нудится думать о вселенной, зная только малую часть ее, и ту – внешним образом.

При таком смиренном и осмотнительном воззрении на небо оно не перестанет быть для нас все тем же небом, и носящаяся в нем мысль наблюдателя не возвратится в ковчег свой, не найдя ничего. Господь Бог не только будет на небе, но все небо явится в соответствии со словами Его одним Его престолом (см. Ис. 66, 1), и ограниченная мысль устыдится спрашивать: где же именно, в какой части неба пребывает Господь? Здесь задача науки – оправдать веру. Отнимая у зрения свод небесный, она в то же время открывает уму невозбранный доступ

в неисходные области небесные и заставляет лучше и очевиднее понять безмерное величие Божества, всюду присущего в Своей твари и всюду имеющего при Себе небо. Таким образом, эта высокая пограничная черта, которая отдаляла бы Бога от земли настолько, насколько способно к тому воображение, при лучшем уразумении неба приближается к земле до того, что не кажется удивительным, как святые люди в восторге духа, не отрешаясь от тела, достигают «до третьего неба» (см. 2 Кор. 12, 2), как с земли видят Самого Господа «Иисуса, стоящего одесную Бога» (см. Деян. 7, 55), и почему всем христианам заповедано на всяком месте земли призывать в молитве Отца, сущего на небесах (см. Мф. 9, 6).

Сведение неба на землю воплощением Бога Слова и возведение земнородных на небо доступнее разумению человека, не признающего никакого средостения между всем, что он видит, и не принуждаемого думать, что вещество земное недостойно неба и противно ему. Самая томительная и невместимая для ума мысль о пребывании Бога в одно и то же время на земле в образе Человека и на небе в неописанности Божества делается для него более легкой и удобоприемлемой. Наконец, Вознесение Иисуса Христа на небо и вечное пребывание Его с нами на земле до такой степени уясняется, что наполнявшая апостолов радость не кажется неестественной. И снова все приходит в порядок и стройность, но уже с большей полнотой и отчетливостью. Земля и небо суть уже не только одна, но и одна и та же обитель Божества. Человек оказывается живущим с Богом и перед Богом, и само жительство его указывается на небесах (см. Флп. 3, 20). Евангелие после этого не отделяется от жизни, жизнь от науки, наука от богопочитания и так далее. Обыденный ход жизни делается важным, возвышенным и как бы торжественным. Последняя участь людей менее страшит боязливую и страстную плоть, а любознательному духу и прямо кажется вожденной. Так, чем более созерцаешь небо, тем менее видится само небо, и чем далее отодвигается предел земного, тем ближе он становится к нам.

<...>

Столь великолепный вид неба есть не более как обман зрения, говорят нам от имени науки: на самом деле нет там ни свода, ни лазури, ни даже радующего дневного света, а только одна повсюдная, беспредельная, глубочайшая тьма, кое-где освещаемая неугасимыми искрами, то есть весьма отдаленными светилами, подобными солнцу. Но если и видимый круг, и цвет, и сам свет небесный есть обман, то не обман, по крайней мере, тьма. Довольно и этого. Значит, выше или, точнее, далее земли есть область бесконечно великая, недоступная человеческому взору; назовем ли ее мраком или светом – все равно. От имени истины мы утверждаем, что эта самая премирная область и есть небо. И чем оно повсеместнее, беспредельнее и безвиднее в наших представлениях, тем более подходит к христианскому понятию неба – жилища Бога неописанного, невместимого, никакому подобию не подобного (см. Ис. 40, 18). Что же такое эта глубокая лазурь дня, этот мрак ночи, эти изумляющие миллионы солнц, никакого отношения не имеющие ни к нашему дню, ни к нашей ночи? Слабые и неясные черты Божества, тусклый для взора, но светлый для ума облик Вседержителя, для нас начертанный, нас вразумляющий, нас зовущий, влекущий от тесноты в пространство, от частных – к целому, от преходящего – к вечному бытию. Потому влечет к себе нас небо, что им свидетельствуется высочайший, чистейший, совершеннейший, нетленный и неизменный, единый преблаженный Бог, Которого присно чают и ищет наш дух, потому, что Ему приписывается, в Нем ищется и Им объясняется тайна жизни обитаемого нами мира и нас самих; потому, наконец, что Он есть видимый источник множества естественных явлений, в которых усматривается перст милующего или карающего Промысла Божия; одним словом, потому что в наших понятиях Бог наш есть *Бог небесный*.

<...>

Сущий повсюду, следовательно, и на земле Господь Бог пребывает, или *живет*, то есть в наибольшей полноте боголепия является действующим, не в пределах той или другой части земли, а во всеобщности Своего творения, которую по преимуществу выражает для нас небо¹.

«Все соделавший Господь ради Себя» (см. Притч. 16, 4) не мог дать другого значения всей чудной целесообразности мира, кроме проявления повсюду Себя Самого.

К вере влечет человека его природа. Вера есть самое желанное явление в человечестве. Вера имеет на своей стороне всевозможные свидетельства своей истинности. Вера столько дает и еще более обещает дать человеку².

Верный же есть всякий, *который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти* (1 Ин. 4, 2), кто бы он ни был по роду, по языку, по месту жительства, по званию, по состоянию.

Но если вера, братия, уравнивая всех, не делает различия между верными, то сама она есть ли одна и та же во всех? Ветхозаветных соединяло всех единое знамение веры – обрезание. Для единства веры нашей у нас есть всем известный *Символ веры*, обязательно исповедуемый верующими, и, следовательно, вера у всех верных должна быть та же и такова же. Но будем ли мы отрицать великую разницу в проявлениях веры и вслед за тем действительную разницу между самими верными? У нас известны, с одной стороны, вера живая, теплая, горячая, пламенная, безотчетная, слепая, простая, сердечная, детская и прочее, а с другой стороны – вера холодная, разумная, мертвая, философская и даже бесовская. Соответственно этому и верных тоже можно разделить на несколько (или и много) разрядов или степеней – от верных – живых до верных – мертвых. Которых же из них – наша присновоспеваемая *Пасха верных*? Всех, братия, всех без исключения.

Как один и тот же многолучный свет солнечный, отражаясь на множестве предметов, рассеянных по лицу земли, производит неодинаковые изображения солнца, так и вера в Бога, переданная нам Откровением Божественным, упавая на сердца людей, по различию их различно на них действует и разнообразно в них себя обнаруживает. Радоваться ли нам или скорбеть об этом? Но если бы представлялось более желательным, чтобы все верные равно верили от всего сердца и от всего разума с равной живостью и равной твердостью, то утешение это изобильно доставляет нам наша *Пасха верных*. Если когда, то по преимуществу в несравненный и прерадостный праздник Воскресения Христова наиболее единоклюшной является у верующих вера их³.

Сей *Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1, 11). Вся первенствующая Церковь жила этой надеждой и завещала ее всему дальнейшему христианству. Что она для нас и что мы для нее?

Что говорит человеку его надежда? Главное и существенное то, что жизнь его всегда с Богом, где бы, когда бы и как бы он ни жил. Откуда может происходить эта преблаженная уверенность? От двух известных нам величайших дел Божиих: *творения и искупления*. Тайна человеческой надежды – одна и та же с тайной бытия земного. Земля есть жилище человека, его владение, собственность, со всем, что на ней существует. Для человека она предназначена, создана, устроена, приспособлена; ему дана и подчинена, перед ним старается выказать свою готовность служить ему своими силами, сама предлагает ему все нескончаемое богатство своих произведений, даже заставляет его принимать свои дары. Со своей стороны человек ищет земли, беспрестанно обращается к ней всеми силами существа своего, требует от нее

¹ В четверток шестой седмицы по Пасхе.

² Слово в Неделю вторую по Пасхе на вечерне.

³ Беседа в среду шестой седмицы по Пасхе.

всего ему нужного, пользуется ей. Таким образом, между ним и землей всегда есть некоторый неразрывный союз даяния и принятия, желания и удовлетворения, предположения и исполнения. Вот начало надежды человеческой! Человек и земля равно суть *твари* – произведение одной Мысли, одной Воли и одной Силы, благоустроившей их друг для друга.

В этой первоначальной школе своих неизменных отношений к природе человек научается надежде прежде, чем уразумеет закон, дающий ему право надеяться, подобно тому, как младенец прежде научается понимать свою мать, чем узнает язык ее.

<...>

Всемогущий, все вперед усмотревший и все предуставивший Виновник всего, Которому известны цель миробытия, значение всякого существа в мире и взаимодействие всего сущего, создал человека по Своему образу, вдохнул в него Свой дух жизни, сделал его по преимуществу Своим в бесконечном ряду существ, вызванных вместе с человеком к бытию.

Это свойство человека с Богом, это как бы сыновство его и есть то, что непрестанно сообщает нашему духу убажывающее и подкрепляющее чувство надежды, что удерживает его от отчаяния ввиду самых страшных и неотвратимых опасностей. Надежда, как и вера, имеют в себе также чудодействующую силу, тайна которой (как и тайна первой) заключается в нашем богоподобии. Чем менее кто размышлял, надеясь, тем сильнее надеется и – присовокупим – тем реже обманывается в надеемом. Как сила духа, надежда вместе со всем, что человек теряет, а Бог возвращает, есть дарование Божие (см. Рим. 15, 13), а как упражнение духовное, она есть вместе с тем и добродетель. Такова надежда в смысле богословского исследования. Еюто – богонасажденной и богодвижимой – человек укрепляется против грозных сил стихий, ратует против бед и напастей, утешается в скорбях и болезнях, ею побеждает уныние, малодушие, тоску и всякий прилог порабошающей страсти, в ней находит побуждение и средство отрешиться от изменчивого и обманчивого века и прилепиться к Царю веков, нетленному, невидимому Богу (см. 1 Тим. 1, 17); ею, так сказать, носится поверх этой неведомой бездны, которая называется телесной, или физической, жизнью, и ею перелетает тот ужасающий рубеж, который известен под именем смерти...⁴

Ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная – вот что ожидает нас за таинственными вратами смерти! Кроме того, порадитесь, братия: там ждут нас все близкие нам по вере и духу, все известные нам из истории Церкви Божией ревнители благочестия – преподобные, мученики, апостолы, пророки, ангелы, словом, вся Церковь, светлая и пресиянная, готова принять нас в свои «вечные обители» (см. Лк. 16, 9). Но что самое высшее и ни с чем не сравнимое, так это Сам Господь Иисус Христос, о Котором столько теперь мы все думаем, к Которому так стремимся сердцем! Он Сам будет там присным утешением нашим, примет нас как Своих учеников, общников, друзей и братьев, введет нас в неведомые нам теперь и неугадываемые многие обители Отца Небесного и в бесконечность веков будет показывать нам в бесконечную радость нашу Свое бесконечное Царство по Своей бесконечной благодати ...⁵

Какое блаженство несут слова Его душе нашей! *Что плачешь?* – говорит Он. – *Не бойтесь! Радуйтесь! Мир вам!* О, сколько любви, милости, отрады, утешения заключается в подобных выражениях! Мы уже привыкли к такой дружеской речи. Евангелие так сблизило нас с Существом, Которому нет имени, достойного Его величия, что нас не удивляет кроткая речь Богочеловека. Утешения, ей доставляемые, мы считаем принадлежащими нам как бы уже по некоему праву, и в этом, конечно, и состоит особенная заслуга христианства! При всем том слабую мысль не может не поражать, когда слышишь от Победителя смерти, всякую власть

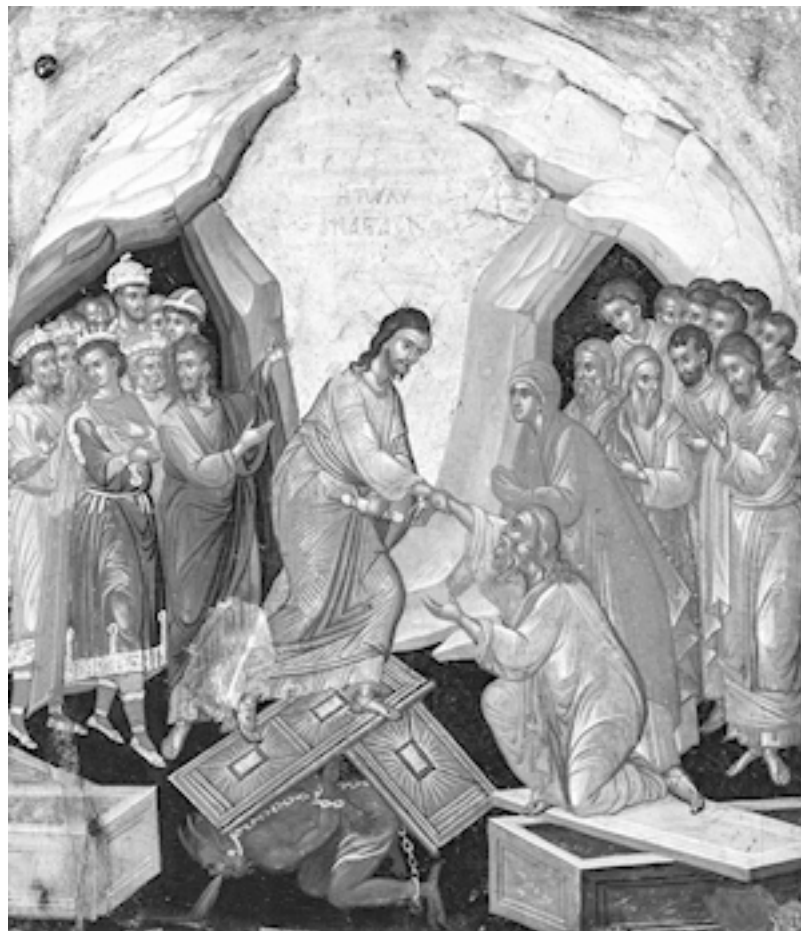
⁴ Поучение в Неделю четвертую по Пасхе.

⁵ Беседа в среду шестой седмицы по Пасхе.

приявшего на небеси и земли, ту же самую тихую и полную любви речь, с которой Он обращался к людям *во дни плоти Своей* (Евр. 5, 7). В этой речи слышишь верное ручательство своего непостыдного упования на всю жизнь и на всю вечность. О, если бы Он так же стал говорить к нам за пределами дней плоти нашей, когда мы будем с Ним, то есть перед Ним на Страшном суде воздаяния! Ибо воскреснем некогда и мы, «чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (см. 2 Кор. 5, 10). Судие и Ведче! Приди тогда к душе трепетной, отчаивающейся и скажи ей Свое тихое и милостивое слово: *Что плачешь?* Приступи ко всем, которые хоть когда-нибудь хоть какую-нибудь каплю мира сердечного принесли ко гробу Твоему, и скажи им: *Радуйтесь! Не бойтесь!* Явись посреди собиравшихся некогда во имя Твое на славословие Тебе, на радование о Тебе, на молитву к Тебе учеников Твоих; стань в их кругу и скажи им: *Мир вам!*

<...>

Слушать Его... Какое глубокое чувство благодарности проникает в душу! *Иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20, 17). Итак, Восстание от мертвых в славе Божества и принятие всякой власти на земле и на небе не изменило отношений Господа Иисуса Христа к человечеству! Его первые слова по Воскресении гласят о братии – о малом обществе людей, Им избранных и Ему преданных, зародыше великого и всемирного общества христианского, о роде человеческом, о всех и каждом, а следовательно, и о нас с тобой, возлюбленный брат!

Икона Сошествия во ад Господа Иисуса Христа по воскресении Его из мертвых

Как понять эту новую тайну Богочеловечества Христова? У нас один с Ним – Отцом нашим – Отец, и Богом нашим – Бог! Где же предел между Его братством и отчеством, между

Его человечеством и Божеством? Но мы обещали не спрашивать, а только слушать. Так, нареченные братья Христовы! Ради братства нашего Сын Божий сошел на землю, не устыдившись называть нас братьями (см. Евр. 2, 11); разделял с нами всю долю многоплачевной жизни человеческой, во всем уподобился братьям (см. Евр. 2, 17), страдал и умер. С памятью о братьях Он воскрес; благословляя их, вознесся; утешая и усовершая, послал в их сердца Духа сыноположения; их храня и освящая, устроил на земле Свою Святую Церковь; возвращая и одуховоря братьев, призывает всех нас в Свое общение...

<...>

Но, братья мои! От слабости мысли незаметен и очень легкий переход к лености, от близости к неуважению, от надежды к беспечности и от дерзновения к дерзости. «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна» не управляемая богомыслием вера может, наконец, изменить в слишком малый образ человеческий и все поклонение Ему ограничить одними человеколепными движениями и знаками, при оскудении чувства благоговения мертвыми и бесцельными. Если когда, то в минуты святого восторга души, возбуждаемого церковными празднествами, надобно учиться смотреть на Христа как на Бога и под голос песнопений церковных приучать себя молиться Ему духом⁶.

Будем же справедливо и благоговейно признательны к делам Божественного Промысла. Изучим завещанный Ветхим Заветом урок. Мы могли убедиться, что Господу Богу не трудно сделать чудо. Уступая слабости нашей мысли, мы могли бы сказать, что его сделать легче, чем поддержать в непреходящем и неизменном порядке всю безграничную, неисследимую целостность тварей – это вечно дивное, непрестанное чудо, перед которым изумевашь тысячекратно более чем перед водой, истекшей из бесплодного камня. Но трудно человеку, мыслящему о земном (см. Флп. 3, 19), удержаться в должном отношении к чуду, трудно не свести чудесное на обыкновенное, таинственное на простое, Божеское на человеческое.

<...>

Бог не сотворил смерти (Прем. 1, 13), – говорит один древний богопросвещенный мудрец. Стихийным своим составом введенный в общий чин живых существ земли и подверженный необходимости разрешаться на стихии, человек в то же время предназначен был продолжать бытие свое без поражающего явления смерти. Путь к этому бессмертию указан был ему в питании плодами древа жизни, долженствовавшими предотвращать тление, может быть, постепенным утончением тела приготавливая его к мгновенному преобразению в тело духовное (см. 1 Кор. 15, 44).

<...>

Жизнь, которая начинается и оканчивается дыханием человека, носится то возрастающим, то умаляющимся телом, слагается вся из противоположностей, непрерывно одна другую сменяющих и одна с другой враждующих, очевидно, не есть истинная жизнь души человеческой. Эта жизнь, существующая во времени и на время, называется временной. Живя ею, душа постоянно трудится для другой, истинной жизни – вечной, которой та составляет только малую долю, начало, наглядное выражение, частный и случайный образ. Эту вечную жизнь, выходящую за пределы земной жизни и – после падения человека – не управляемую более ее собственными слабыми силами, пришел на землю даровать человечеству Сын Божий.

<...>

Богоповеданное родословие человечества свидетельствует, что мы состоим из персти земной и дыхания Божественного. Земная персть подлежит всем законам земной изменчивости; дух жизни должен оставаться неизменен, как неизменен Бог. Уже само выражение «дыхание жизни» показывает, что живет в нас дух, а не плоть. Плоть мертва и тогда, когда жизнь

⁶ Из беседы в день Святой Пасхи на вечерне.

находится в полном развитии телесных сил. Она ежедневно и видимо тлеет, еще до смерти день за днем умирает. Не в ней и не на ней совершается тайна вечной жизни. Не ее союз с духом пришел продлить или укрепить Сын Божий, а союз живущего духа с живым Богом. *Плоть*, таким образом, *не пользуется нимало* (Ин. 6, 63). Оживляемая духом, она усиленно стремится к своему родному уделу – смерти – и достигает его ранее или позже.

Дух животворит (Ин. 6, 63). К духу относятся все обетования жизни вечной, возвешенные Господом. Но имеем ли мы право говорить таким образом? Есть ли вечная жизнь нечто условное для человека – такое, что может быть, а может не быть? Или она принадлежит ему необходимо, по свойству его духовной природы? Имея в виду изречения Господни, в которых жизнь противопоставляется не смерти, а суду или осуждению на муку (см. Ин. 5, 24–29), надобно думать, что жизнь вечная, по Божественному разуму, есть не одно вечное событие и, следовательно, не одно бессмертие, а бытие вечно-блаженное, короче: вечное блаженство. Одно просто нескончаемое бытие, по мысли Господа, есть дело до того естественное, ясное и общеизвестное, что о нем в Евангелии и не рассуждается. Дело не в бытии, а в наслаждении бытием, или жизнью. Равным образом и выражения евангельские – не увидит смерти... не умрет вовеки... – также надобно относить к духу, а не к телу человека; к избавлению от вечного осуждения, а не от телесного нетления. Одним словом: дело здесь опять не в прекращении бытия, а в мучительном бытии, или смерти. Человек может жить и в то же время не иметь жизни вечной, в нем пребывающей (см. 1 Ин. 3, 15); пребывать в смерти (см. 1 Ин. 3, 14), быть отчужденным от жизни Божией (Еф. 4, 18), заживо умершим (1 Тим. 5, 6).

Слышится мне заботливый голос верующего сердца: не производится ли посредством такого изъяснения жизни и смерти непозволительной подмены понятий, в высшей степени важных и дорогих душе нашей? Что это за новая жизнь и новая смерть, о которых редко кто слышал? И почему известные жизнь и смерть не суть то, чем признаются всеми? Пусть не смущается опасливый страж истины! Иное дело – наши понятия о вещах, иное – суждение о них Божие. Достаточно прочесть с вниманием одну главу Евангелия, содержащую в себе выражения о вечной жизни, и сличить ее хотя бы с первыми главами книги Бытия, где в первый раз высказывается Божественная мысль о смерти, чтобы увериться, что по мысли этой жизнь человеческая есть именно блаженное, а смерть – несчастное (но в обоих случаях – вечное) бытие и что наши привычные понятия о жизни и смерти должны быть исправлены.

<...>

В ком дары Святого Духа постоянно возгреваются усилиями собственной духовной деятельности, тот еще в этом мире изменяется в образ будущего духовного бытия: не зря, видит; не внимая, слышит; не касаясь, движет; не ходя, переносится; творит силы и чудеса, исцеляется мгновенно от смертельных язв, не чувствует мучений, препобеждает благодатью Божией законы телесной жизни, потребности сна и питания; просветляется телом, в течение столетий почитает нетленно, является заживо духом и, наконец, по смерти не истлевает, источает миро и творит силы, свидетельствующие о непреставляющей посмертной жизни его в неразрывном союзе со Христом.

<...>

Если почему мы особенно веруем и дерзаем верить в милость Божию, так это потому, что в Нем – во Христе – утверждаемся. Без Него, без Его явления на земле, учения, чудотворений, страданий, смерти и Воскресения – что такое человек здесь и что такое жизнь его на земле? Начало без продолжения, конец прежде совершения, призрак, сонный образ, мечта, ничто! Рожденные от тленного семени – что такое люди одни, сами по себе? Земля и пепел. *Коротка и прискорбна наша жизнь...* Она – *прохождение тени* (Прем. 2, 1. 5). *Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал* (1 Пет. 1, 24)! *Суета сует* (Еккл. 1, 2), *плоть и кровь* (1 Кор. 15, 50), рабство тлению (см. Рим. 8, 21), нечистота и беззаконие (см. Рим. 6, 19)! Без Христа, без спасительного служения Сына Божия

роду нашему не на чем было бы стать твердо ни мыслью, ни сердцем, ни волей. У нас не было бы тогда ни отрады в прошедшем, ни успокоения в настоящем, ни надежды в будущем. Мы не знали бы ни что жизнь, ни что мир, ни что Бог; не могли бы решиться ни на что, ни чему верить, ни за что взяться, ни от чего отказаться. Одним словом: человек был бы наиболее жалкое существо земли, а мы верующие – «несчастнее всех человеков» (1 Кор. 15, 19).

Не преувеличиваем ли мы? Не много ли сказали, придав такое безмерное значение событию, без которого обходилось человечество столько веков и без которого обходятся еще сотни миллионов людей, живущих при иных понятиях о Боге и человеке, отрицающих наше учение о грехопадении, искуплении, спасении человеческого рода. С другой стороны, точно ли христианство доставляет духу человеческому такую твердость, что ему более не остается ничего пожелать, успокаиваясь вполне и совершенно на догматах, на правилах, на постановлениях и на обетованиях Евангелия? Предмет этот, христоименитые братия, и был, и есть, и, может быть, до конца веков пребудет настолько пререкаемым, насколько ум наш может заноситься и восставать на разум Божий, а сердце – упорствовать в своих привязанностях к тому, что раз принято им по страсти ли, по привычке ли, по выгоде или по ложно истолкованному голосу совести. Требуется собеседование нескольких дней, чтобы ответить на немногословные вопросы сомнения, выставленные нами сейчас. Встреча с ними да не смущает, впрочем, нас.

Первое появление Господа Иисуса Христа во храме вызвало следующие пророческие слова о Нем: *Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк. 2, 34). При последнем посещении храма Он Сам говорил: *Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла. Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит* (Лк. 20, 17–18).

О, сколько уже пало, но сколько и восстало людей, преткнувшись о камень этот! Еще раз: да не смущаемся этим! Что явилось в нашем изменчивом образе и что огласилось в нашем извивчивом слове, того неизбежная доля быть пререкаемым. И чем дивнее в очах наших, таинственнее и непостижимее являющееся, тем сильнее нападает на него разум.

<...>

Там, где все разверзает перед смущенным нашим духом ужасающую пропасть тления, разрушения, исчезновения, где отовсюду грозят ему пустотой, случайностью (или – вместо нее – слепой необходимостью, бесцельностью и безличностью), где оставляют его одного среди неисходного мрака, в страхе и в смертном унынии, – в каком лучезарном сиянии присно-радующего света, с каким сладчайшим утешением не только неразрушимой, но и вечно блаженной жизни является ему образ Христа, поправшего смертью смерть, пленившего ад, Воскресшего и с Собою вся воскресившего! Что подобное может отыскать и дать человеку мир со всеми открытиями и изобретениями смертной науки? В Нем – и ни в ком другом – утверждаемся мы, бедные и жалкие земнородные, от персти созданные и в персть обращаемые Бога повелением! Но легко понять, что не в этом одном утверждает нас Своим Воскресением Христос Бог. Это только самое великое, чем *напоевает нас питье новое, не от камени неплодна чудодеемое*. Но его хватит и на все мелкие обстоятельства жизни. Оно пригодно ко всему. На всякий зов души, несомненно, отзовется христианину богоносный и живоносный Гроб Господень, утверждая в нем все, что ослаблено болезнью, грехом, заблуждением, невниманием, неведением. Да одождится его источник нетления и на наш гроб в день общего Воскресения! И да утвердится тогда воскресающее сердце наше в Господе вовеки!⁷

Что такое то Царство Христово, воссиявшее вместе со светом Воскресения из гроба Христова, к общению которого мы приглашаемся?

⁷ Беседа в понедельник Пасхи.

Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем (Лк. 22, 29–30). Вот что изрек Господь апостолам после того, как напитал их от трапезы Своего пречистого Тела и Своей Честной Крови. Под изображением почести, счастья и довольства, какие может ощущать удостоенный царской трапезы, Господь хотел показать им славу и вседовольство грядущего Царствия Своего, участниками которого желал их сделать; как и в других случаях, Царство Божие Он изображает под этим же образом царской вечери, или трапезы. Трапеза в тех местах, где просияло Евангелие и возникло христианство, по преимуществу устраивалась вечером, и притом, если была возможность, в верхней, господствующей части дома, и обставлялась всем, что было наиболее приятного. Посему-то Господь и избрал вечерю, как земное подобие наслаждения вечными благами, которые будут даны подвигающимся войти в Царствие Божие. Но где же эта Трапеза Царствия?

Как Царство Божие (которое есть Церковь Христова) отчасти пребывает на земле и будет пребывать до скончания века, так и Трапеза Царствия отчасти есть видимая. Это Божественная Трапеза причащения, и кто из нас не знает эту Трапезу Господню? Это та самая Тайная Вечеря, которая хотя и была предложена прежде спасительной смерти Господа, но не могла быть без Воскресения Господа, без Его прославления, без открывающегося Царствия Христова, – это Божественная литургия, преславная и прерадостная Трапеза Царская!

<...>

Здесь, вступая в неразрывный союз с Творцом вселенной, становишься и сам как бы выше вселенной,ходишь в недомыслимую область присносущной жизни, делаешься причастным Царству всеблаженному, Владычеству высочайшему! Приходи, приступай, христолюбец, к этой Божественной Трапезе как можно чаще, не отказывайся от Царской Вечери ни для какой другой радости жизни!⁸

Воле Творческой благоугодно было, чтобы жизнь человека протекала и достигала своего назначения через возрастание, благосостояние и разнообразное действование его телесного состава, а для этого бесконечная Премудрость определила, чтобы человек принимал в себя различные вещества стихийного мира и претворял их в свое тело, что и составляет питание. Это важнейшее в порядке жизни человеческой дело – питание – у омраченного смыслом и развращенного сердцем человека часто обращается в повод ко греху. Христианин, призванный искать вышнего, должен внимательно смотреть за собой, чтобы не злоупотребить этим высоким делом Творческой мысли и не навлечь на себя грозной карающей руки Божией.

<...>

С двух ошибочных сторон можно смотреть на питание, и к двум погибельным крайностям может здесь прийти христианин. Питание, понимаемое как утоление голода, или насыщение, можно признать делом до такой степени телесным, животным, физическим, как мы привыкли его называть, что можно счесть его вовсе недостойным христианского внимания. Заблуждение отчасти одностороннего взгляда на жизнь и назначение человека, отчасти утонченно-развращенного состояния сердца! Важнейшее условие бытия нашего, по взгляду христианскому, должно занимать и важнейшее место между предметами нашей разумной заботы. На питание как дело премудрости и благодати Божией питающийся должен взирать с особенным уважением. Наука, занимающаяся исследованием законов жизни телесной, изумевает перед премудрым устройством питания. Христианин, для которого Господь есть Податель и Охранитель его жизни, несравненно более должен думать о том, что он делает во исполнение Творческой мысли, ставшей законом его жизни, и потому, во-первых, должен смотреть на свое питание как на закон, установленный и заповеданный Богом для земного счастья человека и для прославления благодати и премудрости Божией. Посему каждое действие питания он должен

⁸ Слово во вторник Пасхи.

сопровождать хвалой и благодарением своему Питателю, подражая Господу Иисусу Христу и святым апостолам. *Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, всё делайте в славу Божию* (1 Кор. 10, 31). Так нам заповедано поступать. И это, конечно, самое естественное дело в том, кто не только верует в живого Бога, но и любит Отца Небесного. Болезни нередко научают человека, не желающего учиться по доброй воле богословию, смотреть на свое питание истинным, достойным нашего разума образом и часто обращаться со словом молитвы или хвалы к Тому, Кто один ведает исход жизни. Ужели христианин согласится лучше, чтобы его учила необходимость, нежели собственная христолюбивая решимость?

Во-вторых, вследствие того же возвышенного взгляда на питание христианин должен понимать его как одно из самых важных условий жизни, не уничижая и не стыдясь его, а напротив, усматривая в нем образ другого питания, высшего, сокровенного, вносящего в тело наше зачаток будущего, вечного, духовного тела. У христианина высший взгляд на свое питание облегчается и как бы узаконивается еще тем преимущественным обстоятельством, что путем питания он вводится в таинственное, преестественное общение с Божеством. Ест он или пьет, он не может забыть, что у него есть другие, особенные пища и питье (см. Ин. 6, 55), пребывающие в жизнь вечную (см. Ин. 6, 27), споспешествующие «исцелению души и тела», служащие «во оставление грехов и в жизнь вечную». Если, принося оком богомыслия в святейшее таинство Причащения, невольно возвышаешься духом и возвышаешь с собой свое бренное и многострастное тело, то нечто, ублажающее сердце и уцеломудривающее мысль, видится и вообще в питании, слагающем, развивающем и поддерживающем собой жизнь, предназначенную для бессмертия. Небезызвестны нам примеры того, как люди, очистившие от страстей душу, не могли принять пищи, не оросив ее слезами.

Если вы воскресли со Христом, то ищите горнего (Кол. 3, 1). Если мы припомним, что Сам Воскресший Господь не счел для Своего прославленного естества унижением вкушать нашу тленную пищу (см. Лк. 24, 43), то как можно нам смотреть на питание как на одно животное, грубое и низкое дело и не вводить его в круг занятий, требующих особенной заботливости? *Ищите горнего...* Низко не то в мире, что поставлено ниже другого, а то, что сводит человека с его высокой степени богоподобия и уравнивает с бессловесной тварью. В Царстве Божием нет непреходимой черты между вышним и нижним. Господь Бог во всем сущем оставил следы Своей Творческой Премудрости, повсюду и на всем запечатлел Свою вечную, Божественную мысль и, следовательно, везде оставил Свое вышнее. Есть оно потому и в пище.

<...>

Питание как потребность природы, как телесное отправление жизни есть, конечно, дело безразличное для носимого телом духа, но как выбор той или другой пищи, есть дело разумного произвола, а как удовлетворение свободного желания, почти неизбежно становится причиной того или другого нравственного состояния. Оттого на принятие пищи всегда и везде смотрели выше, нежели как на простое, неразумное и не ответственное выполнение естественной потребности. Везде, где человек сознавал себя существом нравственным, было различие пищи, и, конечно, основанием тому не служило одно только естественное свойство пищи, а вместе с тем и действие ее на душу. Христианство умеряет и эту, также своего рода крайность. По своему существенному характеру – свободе – оно, конечно, позволяет вкушение всякого рода снедей.

Господу Спасителю дорого в нас не то, кто чем питается, но то, кто и что соединяет в своей совести с принятием пищи⁹.

Единый, создавший всю видимую и невидимую тварь по единому хотению и единому представлению для единого совокупного бытия, на всем напечатлел единый закон Своей нача-

⁹ Слово во вторник Пасхи.

лодетельной воли и всему сообщил единый образец Своего началомыслительного разума, так что все, исшедшее в бытие, стало (по крайней мере, для нас, мыслящих существ) как бы одним внешним отображением Его внутреннего существа, Его проявляло собой, само Им объяснялось, Ему служило и в Нем действовало!

Та зиждительная, образовательная и вседержительная Сила, Которая все связала Собой, во все вдохнула жизнь, всему приурочила определенный, неизменный и вечно возрождающийся образ, всему указала круг и чин, предел и время, над всем простерлась единым всеобъемлющим и всецарствующим Промыслом, нам известна под поклоняемым и вовеки благословенным именем Духа Святаго.

<...>

Братия! Никто к нам не близок настолько, как Дух Святой. Спешим исповедать эту сладчайшую истину. Да не смутит кого-нибудь мысль, что этот близкий наш есть Царь Небесный. Так, Он – Царь, во-первых, и какой Царь? Не говорим: премудрый, всемогущий, правосудный и прочее. Все это и разумеется и приемлется само собой, но все это как предмет, далее отстоящий от мысленного взора, закрывается ближайшим, всерадостным и преблаженным убеждением, что Он есть Царь, промышляющий о каждом из нас, Его бесконечно многих подданных. *Изумевае*т поистине *ум всяк* и это таинство Божественного смотрения *разумети*. Помышляя всю ужасающую беспредельность неба, и даже одну подавляющую необъятность земли и сравнивая с ней себя, – неразличимую песчинку в океане живущих на ней, – невольно и вопреки голосу сердца отгоняешь от себя мысль о неотступном, непрестанном, неизменном, отеческом, дружеском, большем, чем наше собственное к себе, одним словом, Божеском внимании к нам Царя Небесного. И однако же, есть, и бдит над нами, и пребывает с нами во все дни жизни нашей неусыпно назирающее нас Царское око! В этом убеждено было, есть и пребудет все человечество. В этом уверяет нас слово Господне, в этом не позволяет усомниться и собственный опыт каждого.

<...>

Но, общники и носители *Духа благодати*, получив великое, не откажемся принять малое. Зная, что Дух Святой присно с нами есть, не будем представляться не понимающими, как Он может быть вездесущим и вся исполняющим, и не будем вопрошать себя в недоумении: как, ужели Он и теперь, и здесь есть весь всецело, существом и действием? Ужели Он исполняет собой все – и само то, от чего отвращается наш грешный и оскверненный дух? Ужели?.. Но прервем неуместные вопросы. Он везде и во всем. В этом мы не можем усомниться, зная даже то одно, что он есть Творец всего, и ограничиваясь даже самыми скудными понятиями о творении. Мы унизили бы предмет такой величайшей важности, приравняв его к явлениям обитаемой нами малой земли!

<...>

Хотя человек преступлением своим и вышел из всеобщего чина тварей, составляющих Царство Божие, однако, все же видимо стремился к нему под незаглушимый голос совести. И Податель жизни, хотя также перестал пребывать в наибольшей части людей, ставших плотью (см. Быт. 6, 3), однако же, не оставил жизни человеческой вовсе без призрения и, где обретал соответственные Себе явления духа, там для жизни человека был тем же, чем был до его грехопадения¹⁰.

Что сказать? Сам Господь наш Иисус Христос, вечная Истина, Премудрость, Любовь и Жизнь, не всех желания и надежды мог удовлетворить. *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36); *не знаете, чего просите* (Мк. 10, 38), – говорил Он, и подобными отзывами разрушал все неосновательные надежды и предположения насчет Лица Его и служения, и многих совер-

¹⁰ Слово в Неделю Пятидесятницы.

шенно отдалил от Себя. Однако же, Его учение, Его служение, Его лицо для всех, даже и для отвергавших Его, было необходимо и спасительно.

Православие находится в такой связи со всем, чему научил и что совершил Господь, что одного без другого представлять не должно. Если кому близко дело Христово, то, несомненно, так же близко и православие. Не православия вина, что оно не кажется нам близким. Солнце, которое нас живит, воздух, которым мы дышим, также можно счесть предметами не близкими тому, кто не думает о них. Мы приблизили к себе много такого, чего бы надобно стыдиться и ужасаться, и без сожаления оставляем самое драгоценное сокровище ума и сердца... Кто виноват?

<...>

Едва ли не главная причина того, что православие иногда не пользуется достойной себя чести, заключается в его мнимой тяжести и неприятности. Прежде всего, оно не нравится тем, что имеет тон решительный и настойчивый, а потому стеснительный, делает вовсе не уместными и не законными обыкновенные выражения нашего слабomyслия – «может быть, кажется, вероятно» и так далее. Можно ли им, – говорит недовольный, – столько брать на себя и столько требовать от другого? Недовольный забывает, что имеет дело с Богом и Его решительной, неизменной волей; не знает, по-видимому, что так же настойчиво (с тем только различием, что редко законно) требует себе веры и всякое ведение человеческое¹¹.

Богословие есть слово о Боге, мысль о Нем, учение, проповедь, всякое занятие ума, направленное к Богу. Многообразным образом высказывает себя это глубочайшее требование человеческой природы. При первом пробуждении в человеке разума перед ним повсюду является одна великая тайна бытия. Множество предметов, существующих один как бы не зависимо от другого и, между тем, один для другого, действующих и действуемых, явных и скрытых, обыкновенных и чрезвычайных, производит в человеке множество вопросов, к решению которых влечет его что-то непреодолимое, ему самому не известное. Решая одни, он встречается с новым множеством других – непредвиденных, ведущих его все далее и далее, от видимого к невидимому, от простого к таинственному, от раздельного и раздробленного к общему и единому...

Пока мысль размышляющего юна и малоопытна, она не может совладать с непрестанно вновь и вновь рождающимися вопросами; и это неведомое, зовущее ее от земного и вещественного вдаль, вглубь, вверх, всегда от него самого и от мира, доводит ее только до признания великого, сильного и вседеятельного Существа... Первый зачаток богословия! Внутренний голос, свидетельство природы, уроки истории и внимание к собственной жизни говорят незрелому разуму о Зиждителе, о Хранителе, о действующем в мире Промыслителе всего, управляющем человеком, но не стесняющем его сил. Богословие возрастающее, приготавлительное!

Это неясное гадание созревший разум проясняет, пополняет и подкрепляет *Откровением* Божиим. Бог является ему Господом, Отцом, Другом людей; Его Промышление выражается делом искупления, мироправление представляется царствованием. Вся раздробленная история человечества сводится к судьбам Церкви Божией, мир превращается в место духовного воспитания человека, жизнь – в поприще благочестия, смерть – в начало новой жизни. Все, таким образом, объединяется и проясняется, утешает и совершенствует человека. Богословие полное, достигшее в меру человеческих способностей и потребностей!

Остающееся для пытливости ума и стремлений сердца при всем том еще как бы незаконченным доскажет в другом мире другое богословие, преподаваемое не верой, а видением

¹¹ Слово в первую Неделю Великого поста.

и принимаемое не соображением, а совершенным разумением. Таков вообще ход истинного богословия в человец естве¹².

На земле мы видим Бога только *как бы сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. 13, 12), через посредство свидетельствующей о Нем твари. Между тем и земное, и небесное богосвидение есть одно и то же видение Божественной славы; естественное – в мире земного, изменчивого, образного естества, и преестественное – в премирном, вечном, первообразном Царстве бытия.

<...>

Бога не видел никто никогда (Ин. 1, 18), – говорит боговидец. Таким образом, как бы с первого раза отнимается всякая надежда на богосозрение и делается напрасным исследование о нем. *Бог есть Дух* (Ин. 4, 24), – говорит Господь. Он наполняет Собой небо и землю (см. Иер. 23, 24), живет вовек (см. Втор. 32, 40), невидим (1 Тим. 1, 17), не подобен никакому подобию (см. Ис. 40, 18, 25), непостижим (см. Рим. 11, 33) и так далее. *Бога*, как Он есть, без образа и подобия, действительно *никто никогда не видел* (1 Ин. 4, 12). Нет для этого в бесконечно малом существе человека способности и возможности, как нет возможности исчерпать горстью море. Но, не видя Бога видением земным, человеческим, самым, по нашему мнению, полным и совершенным, мы имеем возможность видеть Его видением другого рода, не менее истинным. Человеческое видение останавливается обыкновенно на поверхности; не углубляясь во внутрь, спешит составить заключение, большей частью выводимое из предположений. Господа Бога надобно зреть не поверхностным, наглядным образом. Бесконечная полнота Его совершенств требует внимательнейшего, подробнейшего рассмотрения их. Совершенно таким образом Он и открыл Себя проницательному взору богомыслителя. Он начертал Божественный Свой образ на всем, что вышло из творческих и выходит из промыслительных рук Его. Во всех делах Его и может, следовательно, видеть Его человек.

<...>

Мир видимый есть первый отпечаток Божества. Его неизмеримые пределы говорят о беспредельности Создателя. Его неизменный чин явлений и перемен указывает на вечность Бога. Его изумительный порядок свидетельствует об одном и том же, всегда себе верном, законе Божественного действия. Его единство, с бесчисленным разнообразием частей, говорит о едином, но бесконечно свободном Деятеле. Премудрое сочетание и соподчинение и направление тварей в один, везде себя поддерживающий и охраняющий круг бытия и жизни проповедают о премудрости Верховной Причины всего сущего. Неудержимо влекущая красота мира ведет мысль к невообразимой красоте Божией. Видимое довольство жизнью чувствующих тварей, знающих и понимающих наслаждение и радость, говорит о любви и блаженстве Жизнодавца. Каждая область великого Царства Божия, каждый предмет, входящий в общий состав мира, своим образом показывает в себе Бога. *Небеса проповедают славу Божию* (Пс. 18, 2), *правду Его* (Пс. 96, 6), чудеса Его (см. Пс. 88, 6). Земля исповедует милости Его (см. Пс. 32, 5).

Стоит только не закрывать очей души, и Бог явится повсюду. В минуты всеобщего покоя природы, когда вызывающее и обличающее шумную суету жизни светило закроется от нас, выйди, боголюбец, из тесной хранины тесного жития земного в великий храм Божий и посмотри на свод небесный. Кажется, каждая звезда несет к тебе особенную черту Божества, и вся изумляющая необъятность неба хочет начертать перед тобой один лик высокого, неизменного, бесстрастного, беспредельного, вечного, повсеместного Зрителя дел твоих, окружающего и объемлющего тебя со всех сторон, безмолвно о чем-то с тобой беседующего и медленно, таинственно проходящего перед тобой. Мы привыкли, думая о Боге, обращаться к небу. Мы знаем, что много раз мир духовный, действуя на землю, приходил с неба. Знаем, что на небо

¹² Поучение во вторую Неделю Великого поста.

вознесся наш Господь – слава и радость всего человечества. Не знаем только, насколько небо видимое может свидетельствовать о небе невидимом, но имеем несомненно верное убеждение, что там – в необъятности и бесконечности небесной – живет бесконечный Бог. Не знаем, в какой степени земля с ее человеком принимает участие в общей жизни неба, но знаем, что там наш зиждущий, управляющий, судящий и милующий Промысл. Небо для нас, таким образом, неизбежный и неустрашимый, а потому, надо думать, верный указатель и учитель о Божестве!

С неба низведи взор на нашу все еще слишком великую, но в сравнении с небом ничтожно малую землю и пронесись испытующим взором по всем царствам бытия ее. Какая отрада разольется в душе твоей при первой мысли, что бесконечно высокий и удаленный Бог небесный есть и Бог нашей земли, что Он наложил Свой отпечаток на каждую подручную нам вещь, некогда останавливался творческой мыслью на каждом роде бытия.

<...>

Дивный величием в небе Господь дивен разнообразием силы, жизни, красоты на земле. Смотри на него в обыденных явлениях стихий земных: водой Он все произращает, питает, очищает, огнем все согревает, освещает и претворяет, воздухом живительно поживает над всей землей, теплотой вызывает жизнь и плодоношение; хладом укрепляет живущее и плодоносящее, дождем дает силу, крепость и свежесть всякому возрастанию, ветром разносит милующую или карающую долю суда Своего по лицу земли. Он, милостивый и грозный, присутствует в тучах и посылает молнию и гром для возбуждения сил и для уравнивания стихий земли. Везде – от поверхности земной до высоты небесной – начертывается Его промыслительный Лик. Посмотри и на каждое животное земли, на дерево, на *цвет сельный* (Пс. 102, 15), на *былье травное* (Быт. 1, 11). Не видишь ли и тут опять Его же премудрого, преблагого, облеченного в красоту и *велелепоту* (Пс. 103, 1), благоуханного, сладчайшего, пречистого, всесовершенного? Если бы ты углубился внутрь земли, и там увидел бы Его же зиждительную руку, воздвигающую вещество и связующую тело земли водными жилами.

Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убежу? Взойду ли на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря, – и там рука Твоя (Пс. 138, 7–10). Везде Ты единый, все животворящий, всем правящий, всех радующий!

<...>

Насколько разумное и свободное существо выше всей неразумной природы, настолько ближе и точнее человек дает видеть в себе Господа Бога, нежели мир. Мир говорил о бытии и свойствах Бога, человек может высказывать собой тайну жизни Божией. Он соединен с Богом началом жизни своей, живет Его дуновением, носит в себе Его силы, обнаруживает Его в своей деятельности. Глубочайшая сторона его жизни – нравственная – есть седалище вечного и неизменного закона воли Божией, переходящей уже как бы в нашу волю и составляющей зачаток нашего обожения. Владычество человека над природой, сохранившееся отчасти еще и теперь, для неразумной твари делало его видимым образом Бога¹³.

Несмотря на крайнее повреждение сынов человеческих Отец отцов их не оставлял их без Своего спасительного Промышления. Многообразным образом Он являлся в среду их и действовал им во благо. Признательное к благодеяниям Божиим сердце заставило воскликнуть одного из возлюбленных Богом: *что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?* (Пс. 8, 5). И действительно, тайна любви Божией к человеку осталась бы необъяснимой, если бы не предшествовала ей тайна преднамеренного вочеловечения Божия, привлеченная третьей тайной премудрости Божией – тайной побеждения зла добром (см. Рим. 12, 21). Судя по нашему сердцу, столь склонному к снисходительности и

¹³ Слово в пятую Неделю Великого поста.

самопожертвованию при виде бедности и немощи, раскаяния и покорности, мы отчасти можем понимать, как Господь Бог – вечная правда и строжайшая мздовоздаятельность – стал бесконечной милостью, благодатью и любовью и Сам взял на Себя дело человека. *Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного* (Ин. 3, 16).

<...>

Сын Человеческий! До тех пор, пока не было на земле Сына Человеческого, наше имя часто было предметом укоров и нареканий. Теперь нет ничего славнее и вожделеннее, как быть сыном человеческим. Через Ходатая нашего мы теперь – сыны Божии, наследники Богу, спасены с Сыном Его на Престоле славы Его (см. Еф. 2, 6), имеем *судить ангелов* (1 Кор. 6, 3)¹⁴.

Иисус Христос все время Своего служения людям употреблял на научение их пути Божию, постоянно в Себе Самом показывал пример того, чему учил, даровал власть и силу о имени Своем творить чудеса и Сам творил их бесчисленное множество, вразумляя тем неверных и ожесточенных. Для этого Он образовал из учеников Своих общество святых – зачаток и рассадник будущей всемирной, всечеловеческой Церкви, просветил их мысль, очистил сердце, утвердил волю, связал их между собой любовью и самопожертвенным служением друг другу; словом, сделал из них малый образец великого Царства Божия.

<...>

Что же? Упразднение вечной смерти не долженствовало ли необходимо повлечь за собой и упразднение смерти временной? *Верующий в Меня не умрет* (Ин. 11, 26), – говорил Господь; следовательно, долженствовало, но только под условием веры; *вера без дел мертва* (Иак. 2, 20), дела без любви – ничто (см. 1 Кор. 13, 2), а *любовь... есть совокупность совершенства* (Кол. 3, 14), то есть при условии жизни совершеннейшей, богоподобной. Смерти временной действительно бы не было, если бы человек весь всецело предал себя спасающему влечению Духа Христова; если бы согласно было с премудростью Божией – не приготовленного и не способного человека насильно поместить в Царство непреходящей жизни. Последнее невозможно, первое – едва возможно (нетленные останки святых Божиих суть несомненный залог сей возможности). Со стороны Божией сделано для этого все. Осуждение с нас снято; средостение вражды разорено; клеветник и наветник наш связан; образ здравых словес мы имеем; Ходатай, всегда ходатайствующий о нас, – Сам Бог; благодатная помощь Духа Святого всегда с нами; *даровано нам все потребное для жизни и благочестия* (2 Пет. 1, 3). Следовательно, от нас зависит веровать так, чтобы не умереть вовек.

Но нет надежды, чтобы вовлекаемая в течение многих тысячелетий в грех наша природа оказалась способной к совершеннейшему послушанию Божественному призыванию. Господь знал и предвидел это, а потому говорил больше о бессмертии Воскресения, нежели о бессмертии неумирания: *Если и умрет, оживет* (Ин. 11, 25), будет иметь жизнь вечную, и *Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6, 40)... Но тем или другим путем, человек все приходит к одному и тому же; чего не может достичь естественным ходом жизни, то получает сверхъестественным делом Воскресения. Воскресение в этом случае есть необходимое следствие оправдания, как смерть была необходимым следствием осуждения, или вечной душевной смерти. Как Сам Господь умер и воскрес, так и все искупленные Им и верующие в Него отдадут необходимую дань заразившему их греху – умрут, но потом оживут для вечно-блаженной жизни со Христом и во Христе¹⁵.

¹⁴ Слово в шестую Неделю Великого поста, Ваий.

¹⁵ Слово в шестую Неделю Великого поста, Ваий.

*Христос Воскресе! Вы все это слышали. Воистину Воскресе! Вы все это видели. Между нами, позднейшими учениками Христовыми, нет ни одного плачущего и рыдающего. Ангелы и воины, мироносицы и апостолы, гроб и землетрясения, пелены и камень – все говорят нам: *Христос Воскресе!* И всему отвечаем мы: *Воистину Воскресе!* Трепет и ужас, обдержавшие благовестниц Воскресения Христова, нам не известны, заменены у нас миром и восторгом. Мы не знаем, и не чувствуем, и не говорим, и сказать не умеем ничего, кроме одного: *Христос Воскресе! Воистину Воскресе!* Мы не боимся, разглашать предивную и прерадостную весть Воскресения, благовествуем ее всему миру многократно, тысячекратно повторяем ее, песнословим, проповедуем, и чем больше ее слышим, тем больше даем ей живой вседушевной веры.*

Вид на Иерусалим с Масличной горы. Открытка 1900 года

Христос Воскресе! Воистину Воскресе! Она, эта весть, через столько веков пронеслась в этих самых звуках из уст в уста, от слуха в слух, из рода в род, столько душ радовала и ублажала; столько верующих окрыляла сладостнейшей надеждой Воскресения и вечной жизни; столько необоримых и несокрушимых свидетелей Божественной истины воздвигала; столько благодатных утешений пролила на все человечество; она и до нашей души донесла ту же самую чистейшую и совершеннейшую радость. *Христос Воскресе! Воистину Воскресе!*¹⁶

Бог есть Творец всего, превысивший твари, неизменный, бесстрастный, всесовершенный, вседовольный и вселюбящий. Все отношения Его к разумным тварям суть отношения разума, свободы и любви, так что, сколько кто познает Его, изберет и возлюбит, столько познан, избран и возлюблен будет; и насколько кто разумно и свободно оставит Его, настолько оставлен будет.

<...>

Что посеет человек, то и пожнет (Гал. 6, 7). Таков закон нравственного мироправления Божия. Ибо Он от начала сотворил человека и оставил его в руке произволения его. Никому

¹⁶ Беседа в день Святой Пасхи на литургии.

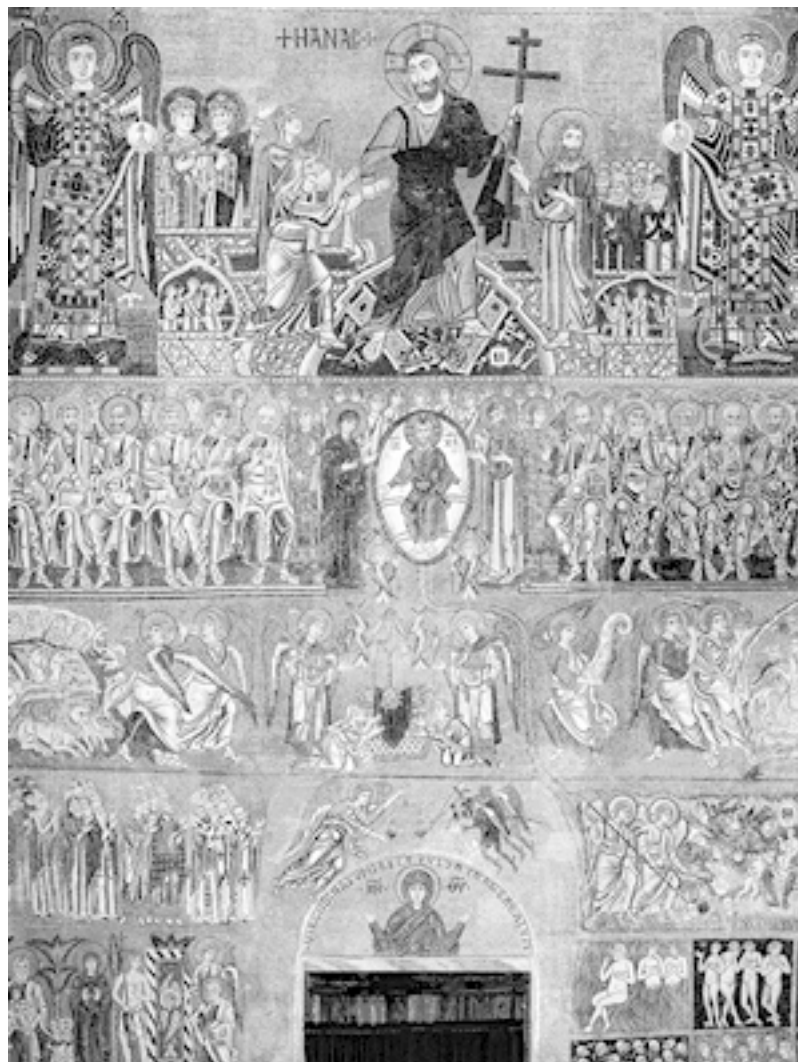
не заповедал Он поступать нечестиво и никому не дал позволения грешить (Сир. 15, 14. 20). Так мудрствует проповедник-богослов Ветхого Завета. Понятно становится, таким образом, не только то, почему в Царстве Божием терпим враг Божий, но и почему он имеет свободу и как бы власть действовать на людей и, в частности, на Церковь Христову. Свободного и разумного Бог предоставляет его разуму и его свободе и с Божеским долготерпением ожидает, куда он сам себя направит. Кто презрит отца и друга и послушается врага, того часть со врагом, тот не может и обвинять никого, кроме себя, в своей решимости и ее последствиях.

Может показаться такое определение в рассуждении окончательного жребия человека строгим до несправедливости и жестокости. Человек ограничен, страстен, забывчив, переменчив, рассеян, недалёковиден, слаб духом и телом, естественно расположен к лени, невольно прилеплен к земле. Можно ли же ставить его в такой союз свободы и любви, о котором он часто и понятия иметь не может? Хотя и нельзя назвать несправедливостью того, когда воздаётся честь лицу, потерявшему всякое право на нее, в уважение его честного рода, имени, звания, и хотя, с другой стороны, созданный по образу и по подобию Божию человек во все времена и роды неотъемлемо носит в себе мысль о Божестве, присно наблюдающем за ним и судящим его, в чем он не только не видит стеснения, но, напротив, находит себе прямое утешение и успокоение, но мы не остановимся на этом, а скажем решительнее, что ради этого-то несчастного состояния человека, по которому он даже не может понимать Бога, Бог совершил перед ним столько дел любви и милосердия, и не милосердия только, а, так сказать, самоотвержения Божественного, что человеку невозможно стало не видеть и не разуметь Бога и своего нерушимого союза с Ним.

Если же и при всем, что видел и что знает человек, он смежит очи свои или отвратит лицо свое от света истины, то, конечно, всему, что постигнет его, сам один он будет виной.

<...>

Нельзя, конечно, отрицать того, что иногда Господь Бог и прямо кладет Свою милующую или карающую руку на дела и судьбы человеческие, побуждаясь к тому или Своим предвидением, или ходатайством святых, или воплем покаянной молитвы, но по Своей свободе и премудрости не дает через это никому ни права, ни повода ожидать и при всяком другом подобном случае такого же явления Его силы.

Страшный Суд. Фреска

Несправедливо поэтому и напрасно ожидали бы мы, что Бог непременно или сделает то или другое, или не попустит того или другого, немедленно наградит или немедленно покарает за то или другое, ревнуя о Своей Церкви. Вспомним блаженных апостолов, которые, по-человечески ревнуя о Боге, желали огонь свести на землю и поpalить не принявшее Господа селение. Сын Божий заметил им: *Не знаете, какого вы духа* (Лк. 9, 55). Всем хотя́й спастись *и в разум истины прийти* (1 Тим. 2, 4) Господь в то же время не отнимает ни у кого свободы воли и позволяет как святому освящаться еще, так и нечистому еще скверниться (см. Откр. 22, 11), оставляя вместе расти и Свою пшеницу, и вражьи плевелы до определенного времени (см. Мф. 13, 25–30), до некоего последнего дня, прежде которого нам сказано не судить никак и в который обнаружатся *сердечные намерения* (1 Кор. 4, 5) всех людей, в который каждый получит *соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10). Этот день Суда можно бы назвать единственным действием Божиим, не зависящим от хода жизни разумной твари, невольным для нее, всецело сущим во власти Божией (см. Деян. 1, 7). В беспримерный этот день первым предстанет Суду Божию и суду всех людей (см. 1 Кор. 6, 3) общий враг Бога и людей, дьявол, и отдаст ответ за все, что он делал против любви Божией, против рода нашего и против Церкви Христовой. После того, как получит уготованное себе возмездие злоначальный враг, предстанут на Суд и вовлеченные во вражду против Бога (Иак.

4, 4) люди. Долготерпеливая Правда найдет в то судительное время всякого, кого покрывает теперь долготерпеливая Любовь¹⁷.

¹⁷ Слово в Неделю седьмую по Пасхе.

Немощь человеческая

История судеб падшего человечества предварена другой, неясно дошедшей до нас, но несомненной историей падшего духа, так что в начале земного бытия являются уже два грешника: диавол и человек – грешник гордый, самообольщенный, нераскаянный и грешник сокрушенный и смиренный. Это своего рода фарисей и мытарь. Один в безмерном самомнении и помыслить не может о покаянии, другой от страха и гнетущего сознания своего недостойнства не смеет очей возвести к Богу. Последний привлекает зато на себя милость Божию, а первый осуждается на вечную погибель¹⁸.

Кто же осмеливается примешивать к делу Божию дело страсти, ослепления, неразумия, зложелательства? Враг Церкви. Кто этот враг, столь дерзкий, что осмеливается бороться с Богом, и столь сильный, что по-видимому успевает в борьбе? По слову Господа, этот *враг... есть дьявол* (Мф. 13, 39). Дьяволом мы называем то духовное существо, которое, увлекшись гордым самомнением, создало, раскрыло и утвердило в себе источник зла и стало в необъяснимое для нашего ума вечное противление Богу. Какое дело дьяволу до Церкви? Такое же, какое в нашем малом кругу жизни у злодея до людей добрых, – дело зложелательного вовлечения другого в погибель, злорадного посмевания простоте и слабости жертвы. Злой естественно сочувствует злему, а доброго отвращается и потому или преследует его, или совращает. Дьявол желал бы видеть всех такими, каков он сам: не только ниспадшими из Царства Божия, но и восставшими на Бога. С этими мыслями он устремился на Церковь Божию в самом начале ее бытия. Его первые слова людям были: *будете, как боги* (Быт. 3, 5). Помраченный смыслом воображал, что и для всех может показаться также вождем стать богами, как это казалось ему. Но человек, только что вкусивший вседостаточное благо жизни разумной, свободной, беспечальной, только что начавший сознавать всю неисчерпаемую глубину любви и щедрот Отца, воззавшего его к бытию, не в состоянии был понять предлагаемое ему дьяволом мнимое блаженство противления Богу, однако же на минуту забыл о Боге. Внешность грехопадения человеческого обманула *отца лжи* (Ин. 8, 44). Он счел забвение за презрение, увлечение за намерение и назвал человека своим союзником. Без сомнения, очень скоро враг увидел, что он ошибся в человеке, но доволен был и тем злом, которое посеял. Убедившись, что новый грешник, если по слабости и не способен стать против Бога, дьявол все же думал, что тот может сделать это по неразумию.

Не час и не день нужны для того, чтобы проследить и исследовать все извороты *глубин сатанинских* (Откр. 2, 24), обставивших Церковь Святую в течение стольких веков ее бытия. Довольно сказать, что не только переиспытано было над людьми все, что казалось нужным и возможным помраченному и злокозненному духу, но и многократно повторено одно и то же. Минута плачевного забвения Адамова пала семенем глубоко в сердце его потомства, и люди вскоре дошли до того, что оставили Бога, осуетившись делами плоти. Но дьявол должен был увидеть, что сердце человеческое глубже глубин его. Вышло иное, нежели чего он ожидал.

Оставить Бога значило не думать о Нем, а восстать на Бога значит постоянно носить в себе тяготящую мысль о Нем. Не думавшего стоило только навести на мысль, чтобы он опять обратился лицом к истине. И Бог навел. После потопа, столь поучительного и для человека, и, конечно, для дьявола, последнему естественно было изменить погибельный план своей лжи. И он это сделал. Люди слишком ревностно и слишком близко стали искать Бога. Дьявол указал его еще ближе. А именно во всем, что окружает человека, от величайшего до малейшего, предполагая, конечно, что, научив людей такому бессмысленному поклонению Богу, он уничтожит

¹⁸ Слово в Неделю всех святых.

в их глазах само поклонение и, восставив их против богопочитания, восставит против Бога. Но человек, и обоготворив природу, все же думал о Боге, а не о природе; почитая дерево и камень, не забывал, что чтит Бога, своего Создателя и Промыслителя. И опять вышло противное тому, чего мог ожидать глубокий кознодеец!

Чем ближе люди думали видеть Бога, тем набожнее и смиреннее становились. О противлении Богу не могло быть потому и мысли. В отце лжи зародился новый погибельный план совращения людей. У слабой и робкой мысли человеческой надобно отнять, думал он, слишком таинственную и многостороннюю природу и дать ей для поклонения вместо великого творения Божия малейшее дело собственных рук человеческих, чтобы заставить ее волей или неволей уничтожить свое богопочитание и потерять страх перед Богом как делом его собственных рук. И мир наполнился идолами. С самым коварным расчетом все человеческое – самое низкое и постыдное – было обоготворено и представлено ваянием перед взорами всех в наиболее привлекательном виде, чтобы человек насильно, так сказать, пришел к мысли, что в нем нет ничего худого и что между Богом и им нет существенной разницы. Выдуманы были боги и полубоги. Божество веруемое уничтожено и осмеяно, а взамен того люди – за самые ничтожные отличия – получали права на почести Божеские. Дело приходило к концу. Сильные земли в безумном ослеплении стали выдавать себя за богов. Коварные слова – *будете, как боги* (Быт. 3, 5) – не могли уже никому казаться странными. Августу еще при жизни его созидали храмы и приносили жертвы. И вдруг воздвигнутый всеми усилиями преисподнего царства колосс сокрушается о камень нерукосечный. В то время, как все было сведено и приготовлено к тому, чтобы человек объявил себя богом, Бог явился Человеком!

Ужасное поражение испытывает враг. Церковь уходит из рук его, и он изгоняется вон. В человека вселяется Дух Божий, и обещанное дьяволом как ложь богоподобие становится истинным достоянием учеников, общников и сонаследников Богочеловека! Однако же, по мере того, как распространялось Царство Христово в мире, и зло становилось упорнее, открытее и враждебнее. Изгнанный вон стал, *как рыкающий лев*, ходить по околицам церковным, *ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Для его коварства довольно было и того уже, что человеку стало известно свое высокое значение во вселенной, чтобы найти повод снова посеять на ниве Божией свои вытесняющие посев евангельский плевелы. Эта высота восстановленного человечества представлена была человеку сперва невероятной, и таинство воплощения Бога-Слова проведено было через тысячи суемудренных состязаний и предположений, смутивших мир церковный столькими ересями, то есть противными евангельской истине учениями. В помощь им воздвигнуты были врагом жестокие внешние гонения на исповедников веры Христовой, но чем упорнее она была теснима, тем более расширялась, и врата адовы не одолели утвержденного на камне (см. Мф. 16, 18). Потом высота эта была истолкована, как высота земного величия, могущества и власти, и мысль церковного папства сменена мыслью церковного преобладания и господства, и измышлен был – в уничтожение Христова дела – Христов наместник на земле, подвергший в лице своем укору и позору достопоклоняемое имя Господне. Церкви нанесена была действительная рана, стоящая многих ересей. Глубоким потаенным путем лизался к ней последний обман, который был хуже всех первых (см. Мф. 27, 64). Под предлогом ревнования о небесном проводя земные виды самолюбия и плотоугодия, значительная часть верующих, восстав против самозванного «наместника Божия на земле», дерзнула воссоздать Церковь, не доверяя той, которая воздвигнута Самим Иисусом Христом. Раздув пламень своеволия и суемыслия, враг рыкающий представил людям высоту эту, возведенную святой верой и действительную только при этой вере как их естественное достояние и преимущество, и, проникнув глубже, чем сколько это удавалось доселе, в мысль и в жизнь христианскую, столько наговорил человеку о его мнимом – не христианском – величии, что тот не убоился и не устыдился наконец гласно и притязательно проповедать свое тождество с Божеством! Не устоит, конечно, на этой столь шаткой ступени лстимый древним змием (см.

Откр. 20, 2) потомок Адама. Предвидится глубокое падение паче всякой меры занесшейся слабостью мысли человеческой. Но и затем успокоится ли она от нападений врага?

Много и другого зла, кроме того, о котором мы говорили, сделал и делает Святой Церкви Христовой наш заклятый и жестокий враг. Ни один человек, конечно, не избежал его нападений; и кто внимателен к ходу своей духовной жизни, тот при всем опасении, как бы не навязать своих дел деятелю постороннему, знает хорошо, что враг неотступно следит за нами и употребляет все средства, чтобы уподобить нас себе. На слабого злодей нападает слабостями, на сильного – страстями, на умного – заблуждением, на глупого – упорством, на праздного – постыдными мечтами, на занятого – бездушием, на ученого – неверием, на неученого – суеверием, на всякого в частности – его самолюбием, первым источником всех неустройств жизни нашей, на целые общества – страстью к новизнам, к неподчинению, своекорыстием, недружелюбием, неправосудием, раздором и мятежами, на все человечество – отвращением от подвига, от благочестия, от богослужения, от вероучения, одним словом: пристрастием к миру и охлаждением к Богу. Не это ли самое видим мы все и в свое время обстоящим Святую Церковь Христову?¹⁹

Много прошло веков со времени земной жизни Спасителя, царство зла ширилось и возрастало. Церковь страдала, вера слабела, чудес не было видно. Ереси и расколы рассекали Тело Христово, меч нечестия и изуверства пленял страны христианские... И современное человечество не представляет ли тех же явлений? Где же Христос, – могли бы спросить нынешние ученики Иисусовы? Если Он действительно есть и пребывает в Церкви, пусть Он явится миру, пусть разрушит и разорит царство нечестия, пусть покажет нам руки Свои, которыми в давние времена сотворил столько знамений и чудес и на которые принял *язвы гвоздинныя* (Ин. 20, 25) – во спасение наше! Пусть мы увидим Его, пусть осяжем Его...

Но, братия, не многого ли мы желаем и не бесполезного ли требуем? Не будем льстить себя напрасно. Мы так непостоянны, что если бы и явился Он, мы вскоре бы о том забыли; не мы, так дети наши; не забыли бы, то как-нибудь иначе перетолковали бы явление Его! Если бы Он стал говорить с нами тем же языком Евангелия об Отце, небе, будущем Царствии, многие ли из нас перестали бы думать о доме, о чреве, о пище, о чести? Если бы Он стал снова совершать знамения и чудеса, разве многие из нас не отвратили бы взоров от дел Его к привычной и любимой пустоте привременного бытия? Сомнительно, чтобы что-нибудь на свете могло вдруг изменить суетный порядок суетной жизни нашей, хотя бы это было явление Самого Христа²⁰.

Как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков... (Рим. 5, 12).

Грех и смерть!.. Что за печальные явления в жизни человеческой! Как не ублажить тех, кому они вовсе не известны? Блаженны и приснорадостны вы, премирные области Царства Божия! Вы знаете одно только вечное совершенство и одну только вечную жизнь, тогда как мы, земнородные, неисходно волнуемся в постоянно изменчивой и всегда равно губительной суете греховной и безутешно смотрим впереди еще на муку смертную!.. По безграничной любви, связующей все Царство Божие неразрывным единством, чем бы не пожертвовали блаженные обитатели света, чтобы просветить тьму и сень смертную, окружающую и подавляющую их бедное земное братство?

<...>

Грех... Малое слово... неясное понятие... незаметное действие! Что такое грех? Неужели грех имел силу потрясти землей и небом? В минуту легким движением руки все раз-

¹⁹ Беседа в Неделю вторую по Пасхе на литургии.

²⁰ Беседа в Неделю вторую по Пасхе на литургии.

рушить и требовать целых веков для поправления зла? Нельзя в том усомниться и страшно убедиться!

Что такое грех? *Грех есть беззаконие* (1 Ин. 3, 4), – отвечает апостол. По-видимому, ответ не кажется нам вседозвольным к успокоению пытливости, справедливее же – заботливости нашей. Каждый раз, как мы слышим или читаем покаянный псалом Давидов, много раз по слуху нашему проходит это слово и занимает нас далеко не в меру той чрезвычайной важности, какая приписывает ее греху. Беззаконие есть жизнь не по закону. Что ж такое закон?

Изгнание Адама и Евы из рая

Закон, по человеческому представлению, есть правило, с которым должны согласоваться все свободные действия человеческие. Закон есть также такое правило, которое составляет одно и то же с существом человека и одно и то же с волей Божией, раз и навсегда неизменной и непреложной. Вследствие определения этой святой воли и создан человек таким, а не иным; она послужила образцом при устройстве существа человеческого, положила себя в основание его, и потому только при условии полнейшего соответствия человека Божественной воле и возможно единение его с всеобщим Царством Божиим, с Царством одного и того же вечного Закона, утвержденного в существе Божием. Нарушение этого закона, или беззаконие (то есть грех), где бы оно ни оказалось, производит всеобщее расстройство и должно быть или совершенно устранено из общего порядка, или исправлено. Устранено – если оно обнаружило себя сознательно, намеренно, упорно и невозвратно; исправлено – если обличило и осудило само себя и стремится прийти в прежний порядок, снова подчиниться общему Божественному Закону.

Первого рода беззаконие сделалось долей преступного духа, второго – долей преступного человека. Резкая черта, таким образом, прошла между судьбой двух грешников.

<...>

Грех человеческий всегда сопровождался раскаянием, хотя и бессильным, и потому требовал Божественного исправления – введения человека в прежний богоустановленный порядок жизни. Для этого, прежде всего, надобно было возвратить человеку силу Божию, снова сделать его доступным для вседейственного соприсутствия с ним Всесвятого Духа, Который перестал пребывать в человеках с тех пор, как они стали плоть (см. Быт. 6, 3).

<...>

Смерть!.. Грехом смерть вошла в мир (см. Рим. 5, 12). *Жало же смерти – грех* (1 Кор. 15, 56). *Возмездие за грех – смерть* (Рим. 6, 23). *Сделанный грех рождает смерть* (Иак. 1, 15). *Грех царствовал к смерти* (Рим. 5, 21). Как разительно и ощутительно становится теперь грозное и страшное значение греха! При виде тлеющего естества нашего мы ужасаемся самих себя и проклинаем грех, начинаем понимать, что он есть ужасное зло и величайшее бедствие. Смерть поставляет нас в неразрешимое недоумение! Что за связь между грехом и ею? Как нравственное решение переходит в телесное разрушение? Что такое смерть, что тление?

Землелюбивый взор наш, направляемый страстным сердцем, тогда только видит смерть, когда видит разрушение; как кто-нибудь тогда бы только заключал об огне, когда увидел уже целый пожар. Смерть, которую родил грех, есть смерть внутренняя, душевная, остановка высших жизненных сил, взаимное их расстройство и противодействие друг другу. Нарушить закон или согрешить значило, прежде всего, пойти против воли Божией, устранить себя от благодатной помощи Божией, пресечь приток духовных сил, вообще: отказаться от участия во всеобщей жизни Царства Божия, а это и значило умереть, остаться при самом себе на вечное невидение славы Божией, на вечное мучение собственными неисправимыми и неуничтожимыми несовершенствами, на вечно продолжающееся возрастание во зле. Согрешить значило пойти против своего существа, а при этом прежде всего стать в прямое противодействие себе самому, расстроить силы души, заставив их действовать одну во вред другой; мало-помалу разрушать весь богоустроенный закон своего существования. Затем душевное расстройство должно перейти на тело, невидимое сделаться видимым, должны показаться признаки сокровенного разрушения – телесные немощи и болезни. Расторгая общий союз между различными сторонами существа человеческого, расстройство душевное должно убивать одну за другой части тела, делая их неспособными к совокупному бытию, пока не выведет из них всех дух жизни и не оставит душу при самой себе на дальнейшее бесконечное терзание. Мы увидим смерть...

Итак, смерть телесная есть только случайное, наружное выражение истинной, внутренней смерти. Она страшна не тем, что разрушает состав наш, а тем, что свидетельствует о нашем беднейшем падении из Царства вечной, блаженной жизни в область своей скудной, тягостной, вечно недовольной, безутешной и безотрадной жизни. После раскаяния первого грешника во грехе и после Божественного определения о его спасении смерть телесная уже должна быть почитаема только памятником смерти душевной; она говорит только о том, что все человечество обречено или, лучше, обрекло себя на смерть. Если бы оно и не умирало телесно, все над ним царствовала бы та вечная смерть, которая едва ли сколько-нибудь приблизительно может быть описана под образом вечного огня, уготованного диаволу и ангелам его (см. Мф. 25, 41). Эта-то смерть и есть возмездие за грех, прямое и неизбежное его порождение. И от этой-то ужасной смерти спасти человечество пришел на землю Сын Божий²¹.

Грех сделал людей рабами, невольниками злых влечений злого сердца. Чтобы возвратить человеку утраченную свободу, земное царство в отличие от небесного должно действовать принудительно, связывать своих членов положительным законом, налагать долг, устанавливая

²¹ Слово во вторник Пасхи.

права, держать порядок, вводить суд, утверждать власть, требовать, направлять и останавливать, одним словом: всех вести к истинно-свободному, царственному жительству, в подобие Царства Небесного. Оттого в человеческом царстве неизбежны подчинение многих и начальство единого. Но в обществе учеников Христовых, этом предначинательном Царстве Божиим, и подчинение, и начальствование уравниваются на всех равно лежащим благим игом Христовым, под которым начальствующий мыслит: «не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить» (см. Мк. 10, 45); а подчиненный, будучи свободен от всех, свободно всем себя порабощает (см. 1 Кор. 9, 19). В полном же откровении для нас Царства Божия, или в Царстве Небесном, не будет и этого различия свободы от рабства, а будет одно всеобщее царствование, всеобщее, вседозволенное и всеблаженное...²²

Господство духа над плотью. Странные для нашего века слова! Во-первых, что такое *дух и плоть*? По его мнению, это отвлеченные понятия, не близкие уму, не нужные сердцу, бесплодные в науке и бесполезные в жизни. Во-вторых, для чего противопоставлять одно другому? Зачем борьба, вражда, насилие? Должны быть равновесие, равноправность, мир и любовь между всем, что сочетано в единство жизни... Таковы изветы века, забывающего, что за ним следует вечность! Языческая мудрость, блуждавшая в сумраке гаданий, долго и усиленно старалась понять, что такое человек, но влекомая при этом всегда к земле, не могла уразуметь тайны существа человеческого, созданного по образу Божию, но обезобразившегося до подобия бессловесной твари. Для этого надобно было иметь отвлеченный от земли взор.

Господь наш, не сущий от земли (см. Ин. 3, 31), сказал, что человек есть дух и плоть (см. Ин. 3, 6). Что такое плоть, это мы еще более или менее понимаем, имея беспрестанное и неотступное свидетельство о ней в своем теле, но что такое дух, этого почти вовсе не знаем. Не знаем потому, что не думаем о духе; а не думаем потому, что не сознаем надобности в том, предавшись плоти и ее угодиам, возлюбив легкое и привычное рабство более трудного и многозаботного господства над собой. Но если бы человек более занимался тем, что век уничтожает как непригодное к жизни «отвлечение»! Он не только узнал бы тогда свою жизнь с лучших и существеннейших сторон, но и научился бы понимать весь мир Божий, прозрел бы в нем другой, таящийся от чувств мир духовный, познал бы Самого Бога ближайшим умом и сердцем образом; не говорим уже, что через это он достойно приготовил бы себя к тому чудному и грозному перелому жизни, когда настанет время отвлечься ему не только от земли, но и от собственной плоти и остаться одним духом. Теперешнее действительное окажется некогда перед изумленным взором нашим призрачным и мнимым, положительное – не сущим, а духовное, встречаемое теперь нередко улыбкой недоверия или сожаления, действительно (и существенно, и единственно) сущим к вечному стыду и посрамлению плотолобивого века.

<...>

Человекоугодничество, искательство и простое приличие называют у нас «господином» чуть не всякого. Ублажительный титул этот не занимает потому уже никого. Само понятие, им выражаемое, также считается ничем, зато с усиленным пристрастием человек влечется вместо имен и понятий к самому существу дела, к действительному господствованию над текущим порядком жизни, к устранению всего, что стесняет и тяготит ее. Отсюда все ухищрения ума, всё напряжение воли, все извороты совести, чтобы стяжать достаток средств, обеспечивающий земное существование, и притом не одно существование, а и преизбыток. Перечислять ли то, чем знаменует себя в мире это «господство от довольства»? В большей или меньшей резкости оно заявляет себя везде, где есть пять-шесть жилищ человеческих. Большой дом, многолюдный двор, роскошный стол, богатая одежда, громкое имя, речь, взор, поступь, все особенное, отвага, надмение, небрежность, прихотливость – кто не видел всего этого и не знаком с ним?

²² Слово во вторник Пасхи.

Что же высказывается им? Одна коренная, средоточная мысль – человек должен быть доволен на земле.

Так, – но о Христе Иисусе, брат и господин! Человек должен быть доволен на земле! На то он и создан, на то поставлен обладать землей. Вседовольный Отец Небесный желал лучшему из Своих земных созданий сообщить всякое довольство и окружил его для этого всякими благами. Но ведь известно же, что тот блаженный господин земли, на котором почило благословение Творца, не существует более на ней. Один первый взгляд на человека теперешнего заставляет видеть в нем слабое, жалкое, многобедственное, самому себе не верное, самому себе враждебное, всем миром озлобляемое и боримое, как бы отверженное существо. Ему ли теперь искать господства над всем, его окружающим? У него ежедневно перед глазами уроки, обличающие тщету его попыток. Не странно ли в самом деле? Чем человек богаче, тем он недовольнее; чем он сытее, тем ему тяжелее; чем он выше, тем ему опаснее. Думая владеть, он овладевается, господствуя – поработается, приобретая – теряет... Почему так? Потому что мир сильнее его, потому что мир – господин его до тех пор, пока он ищет мира.

<...>

Внимания и слова нашего достойно еще одно господство в самом тесном и самом известном смысле этого слова – господство одних людей над другими, в течение многовековой жизни человечества прошедшее через разные образы и степени, мнения и уложения. Нельзя не заметить, что дух Евангелия, отвлекающий человека от внешнего к внутреннему, преобразил мало-помалу древнее господство силы, страха, шума и блеска в господство права, мысли, слов и взаимного уважения, менее заметное, но более действительное и гораздо более приличное тому, кто украшен образом Божиим и должен действовать по подобию Промысла Божественного. Но *может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс – пятна свои?* (Иер. 13, 23). Чем более мы отказываемся от одного вида самолюбия, тем более впадаем в другой. Перестав быть показным и глупо-тщеславным, господство делается утонченно-гордым, из отчески-снисходительного переходит в неумолимо-взыскательное, из прямодушного и попечительного преобразуется в своекорыстное и недобросовестное, холодное и неблагодарное. Если господство нашего времени еще не таково, то оно стоит на пути к такому²³.

На всякую истину жизни в душе человеческой есть тайный отголосок – вера. Но слышится этот отголосок только там, где душа чиста и свободна, не предзанята, как говорится, ничем чуждым той и другой. В противном случае между истиной и верой неизбежно прекращается прямой союз, и для того, чтобы поверить первой, требуются тогда уже многие и разнообразные свидетельства.

Если, к несчастью, человек получил неправильное образование ума, или привык измерять все (даже и не подходящее под меру его понятий) одним собственным мнимо-непогрешимым опытом, или обстоятельствами жизни доведен до сомнения во всем, – то часто требованиям этих свидетельств не видится конца до тех пор, пока истина не явится действительно такой, какой хотят ее видеть. При этом не поверить чужому рассказу, чужому слуху и взору считается делом самым естественным и как бы законным. Упорство переходит нередко за эту грань сомнения. Не доверяя своему собственному слуху и зрению, желают, так сказать, взять в руки истину, и не только взять, но и удержать ее при себе навсегда, еще более – поверять ее, когда она уже в руках у них.

²³ Слово в пяток Пасхи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.